

9147/
Ж 87-0
32160

ИЗДАТЕЛЬ
Одного Образования Кингиссепского Уисполкома.

П. ЖУЛЕВ.

ОЧЕРК ИСТОРИИ КИНГИССЕППСКОГО УЕЗДА И ГОРОДА КИНГИССЕППА (бывшего Яма - Ямбурга).

ВЫДАЕТСЯ
В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ

Пособие для работы в школах, клубах и избах-читальнях.

КИНГИССЕПП
1924

УЧЕТНО-КАТАЛОГОВАЯ
КНИЖКА
№ 20518 9/47
Ж 87-0.

П. ЖУЛЕВ.

9(47)
Ж 87-0

48015
48015

ОЧЕРК истории Кингиссепского уезда и города Кингиссеппа. (бывшего Яма - Ямбурга).

Т. Ц. Б.
ПЕРЕКЛИМЕНТАРИЗАЦИЯ
1988 г. № 8938

- I. Древние жители нашего края.
- II. Жизнь края по Оброчной книге 1500 г.
- III. Город Ям.
- IV. Промышленные затеи XVIII и начала XIX веков.
- V. Крепостное хозяйство в 1840 годах.
- VI. Приложения.

48 Кингиссепская ЦРБ

ВЫДАЕТСЯ
В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ

Кингиссепский Уисполком
№ 32160

ИЗДАТЕЛЬ

Отделение Народного Образования Кингиссепского Уисполкома.

1924 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Очерк истории местного края составлен прежде всего для школьных работников. Им знание местной истории необходимо при проработке различных школьных тем. Изучая, например, родную деревню, ее общественные связи, ее экономику и технику, у учащихся возникнет целый ряд исторических вопросов. Первый вопрос может возбудить даже название некоторых деревень. Почему село называется Ново-Пятницким, когда викакого Старо-Пятницкого нет? Почему село называется Ополем, а деревня в нескольких верстах от него Заполем? Изучая труд деревни или ее общественное устройство, естественно возникнут вопросы:—а как работали раньше, как жили, как управлялись? и т. д.

Детскую любознательность в этом отношении необходимо не только удовлетворить в полной мере, но надо поощрять. Изучая что есть сейчас, отвечая детям точно как было здесь раньше, мы даем им самое живое чутье исторического процесса, чутье изменчивости форм жизни. Особенно это важно для деревенского ребенка, крепко окутанного туманом дедовских и родительских суеверий, почтения к прошлому („что из старины заведено, то свято“, а как оно заведено „бог один ведает“). Важно это и для его родителей, к которым несомненно просочится через детей знания из школы.

Знание местной истории необходимо и для пропагандиста и клубного работника. Борьба с суевериями, предрассудками, с деревенской косностью пойдет успешнее, если работник просвещения сумеет к общим аргументам присоединить аргументы из местного прошлого.—Это будут, наверно, самые живые, самые убедительные аргументы.

Об источниках для данной брошюры необходимо заметить следующее. Специально о Кингиссепе и его уезде никто ничего не писал. Весь материал приходилось собирать по кусочкам из разных мест: пересмотреть различные отчеты ученых обществ, общие работы по истории, перебрать разные казенные издания прошлых веков в Российской Публичной Библиотеке в Ленинграде и т. д. Из этих кусочков, а также из собранных на месте сведений и составлена настоящая книжка.

Наименование деревень, которое встретится в тексте, оставлено старинное: Например—Кут, Рагвичи, Смолиговичи. Но читатель легко узнает в них теперешние названия: Куты, Раговицы и Смолеговицы.

Кингисепская
Районная библиотека

Типография Общего Отдела Кингиссепского Уисполкома.

Гор. Кингиссеп, Ленинградский Гублит № 4807.

Тираж 1000 экз.

„Очерк истории“ кончается характеристикой крепостной эпохи в нашем уезде, т. к. дальнейшая эпоха имеет уже живых очевидцев. Тут школе и другим деятелям просвещения предстоит благодарная задача: самим, на основании свидетельств очевидцев, местных сведений, вместе с детьми взяться за изучение. Это будет лучшим методом проработки: показания одного очевидца должны быть сверены с показаниями другого, полученные результаты должны быть критически рассмотрены и систематизированы. О том, как повести эту работу методически, не место говорить в этой брошюрке.

Данная же брошюрка дает материал по тем эпохам, относительно которых учащий и другой работник просвещения совершенно безпомощны, т. к. в их руках нет никаких местных исторических сведений.

I. Древние жители нашего края.

Все пространство теперешней Ленинградской губернии, с добавлением куска Финляндии (около Ладожского озера), носило в старину название Ижерской или Вотской земли, и входило в состав земель Великого Новгорода под именем Вотской пятины.

Древнейшими жителями этих мест были финские племена, общее название которых у новгородцев было Чудь. Но среди чуди необходимо различать—западную Чудь, жившую в теперешней Эстонии, и племена Емь или Ямь, родственные предкам теперешнего населения Финляндии. В старину емь была потеснена финским племенем водью, занявшею все пространство теперешней Ленинградской губернии.

Приблизительно в XI—XII веке в северной части Вотской земли появился народ корельского происхождения—ингрикоты или ижора, поселившиеся по берегам рек Невы (от них название реки Ижоры). Позднее ижора распространилась на юго-запад в пределы Троицкого и Кингиссепского уездов.

Вотская земля, имея границами Волхов и Лугу, включая в себя Неву, имела важное значение для только что слагавшегося славянского государства. Через Волхов и Неву шел важнейший торговый путь древности: из Скандинавии на Восток (в страну халифов), и „из Варяг в Греки“. Другой, несравненно менее важный путь, шел через Лугу в Ильмень. Что этим путем в древности также пользовались мы имеем целый ряд доказательств. По берегам Луги встречаются высокие, до 4-х арш., островерхие курганы. Это курганы норманнов. При произведенных раскопках и случайных находках в Кингиссепском уезде найдены арабские и англо-саксонские монеты VIII—IX века. Очевидно норманны в старину на берегах Луги держали свои стоянки.

Но как ни отдалены эти времена, мы должны поставить вопрос об еще более древних жителях нашего края, о жителях доисторических времен. В селе Кейкине, Ропше и Краколье, расположенных по берегам Луги, у крестьян нынче обнаружены интересные находки—каменные шлифованные топоры с просверленным отверстием для ручки. Топоры эти найдены в земле при пахоте и других работах. Это орудия доисторического человека, державшего свои стоянки по берегам Луги, бывшей, вероятно, его главной кормилицей. Кто были владельцы этих топоров—мы сказать не можем. Были-ли это древнейшие предки финских племен—мы не знаем. Но приблизительный срок, когда они жили, определить можем.

Каменный век (т. е. время, когда человек делал свои орудия из камня) сменился бронзовым, когда человек научился делать орудия из бронзы. Но

эта смена произошла не одновременно во всей Европе, а в разные сроки: на юго-востоке раньше, на севере позднее. И сроки эти разграничены иногда огромным промежутком времени. Жители наших мест пользовались каменными орудиями тогда, когда в других частях Европы давно перешли к металлу. Это будет, приблизительно, около 3500—4000 лет назад. Поэтому и топоры, найденные в Кейкине и Ропше, имеют форму, сходную с металлическим топором. Очевидно металлические орудия проникали уже путем торговли к древним жителям берегов Луги и от них они заимствовали более совершенную форму топора.

Раньше учеными подобные стоянки доисторического человека были открыты около Ладожского озера. При прорытии Ново-Свирского канала найдены были человеческие скелеты, каменные топоры, глиняные горшки, изделия из рога и даже челнок из черного дуба.

Следы жизни старинных финских племен в нашем уезде сохранились в виде многочисленных могильников, разбросанных по лесам, покосам и прочим местам, не тронутым пахотой. Около многих деревень (например, Мануйлово, Именицы, Беседа) хорошо сохранились до сих пор вотьские кладбища, которые и сейчас называются коломищами или коломками, также, как они назывались в старину. Часть этих кладбищ раскопана учеными и в них найдены: глиняная посуда с рисунками, ожерелья, бронзовые украшения, записки, статуетки божков.

О религии и быте финских племен, живших в Кингисеппском уезде, мы имеем некоторые письменные источники, относящиеся, правда, к XIII—XVI векам. Но так как в старину хозяйство, быт, религия изменялись чрезвычайно медленно, то мы можем уверенно сказать, что черты, записанные в XVI веке, являются отголоском очень отдаленных времен.

От XIII века, по новгородским записям, мы знаем, что финские жители имели уже значительную племенную организацию, с которой принуждены были считаться новгородцы. Известно, что Александр Невский, обслуживавший интересы новгородских купцов, вверил „стражу морскую“ в устье Невы „старейшине Ижерской земли“.

От XVI века сохранилось любопытное донесение новгородского архиепископа Макария великому князю Ивану III и его сыну. Вотьская земля тогда только что вошла в состав Московского государства (Новгород был покорен Иваном III в 1478 году), в ней насажены уже были московские помещики, а попы усердствовали по части насаждения христианства. Но вот не желала разставаться со своей стариной. В 1534 году Макарий доносит в Москву, что „в Воцкой пятине, в Чуде и в Ижере и около Ивангорода и Ямы града“ существуют „многие скверные мольбища идольские“.

„Суть же скверныя мольбища их—лес, и камень, и реки, и блата, и источники, и горы, и холми, и солнце, и месяц, и звезды, и озера“.

И приносит чудь „жертву кровную бесам: волю, и овцы, и всякий скот, и птицы“. И слышно было, что некоторые приносили в жертву даже детей своих. Мертвых чудь клала по курганам и призывала арбуев (жрецы, шаманы), которые давали имена и новорожденным. Жены чудские „стригли власы и ризы, яко мертвечи, на главах и на рамах (плечах) носили“.

Великий князь приказал „прелесть ону“ искоренить и в чудь (именно в наш уезд—в теперешнюю Ястребинскую, Котельскую и Ратчинскую вол., а также в смежные части Троицкого уезда) был послан в 1534 г. монах Илья „для истребления кумирской прелести“. Илья разрушал мольбища, „рубил и жег леса“ (очевидно священные деревья и рощи), бросал „ка-

меня“ в воду и „крестил некрещеных“. Арбуев хватили и приводили к Илье, а тот гноил их в земляных ямах. Непослушных же „христиан“ (крестьян) приказано было помещикам, которым крестьяне принадлежали, хватать и отправлять в Новгород к архиепископу на расправу.

Но эти свирепые меры, видимо, мало дали результатов. В 1535 г. Илья был снова отправлен в карательную экспедицию с наказом „в Чюдской земле разорити их обычай и кудесы свои прокляти“. В этот раз монах свирепствовал еще сильнее, потому что новый каратель был прислан в наши места только через 13 лет—в 1548 г. Это был поп Никифор из Софийского собора в Новгороде. Из данной ему новгородским архиепископом Феодосием грамоты мы узнаем еще несколько интересных подробностей.

Феодосия ужасно возмущая факт, что „Чудь и Ижера мертвых своих кладут в лесах по курганам и по коломищам, а к церквам и на погосты их не возят сохранять“, и что „своих арбуев призывают к новорожденным, прежде нежели обращаются к священникам и игуменам“. Если представить себе положение попа в погосте в чуди, к которому ни хоронить, ни крестить не идут, руги не несут, тогда понятно станет и карательное рвение новгородского „владыки“. Возмущали Феодосия и „бритые женки“ (женщины) и он приказывал в каждом погосте „человека два арбуев да 2 или 3 бритые женки отдавать на крепкие поруки с записями“ и велеть им в определенные сроки явиться в Новгород.

Переписка эта интересна в двух отношениях. Она разбивает созданное попами сусальное представление о распространении христианства в наших местах путем мирной подвижнической проповеди монахов-отшельников. Наоборот, злой монах и поп-карьерист, с помощью помещиков, насильственно, в собственных интересах насаждали здесь „свет христов“. И сколько за этот свет сгноили они людей в земляных ямах, скольким вырван был язык в Новгороде мы, к сожалению, не знаем.

Религия же чуди—води рисуется в приведенных документах, как религия первобытного фетишизма, в существенном не отличающегося от того фетишизма, который процветал и в славянской народной толще. Крестьянин-славянин мог бы мирно уживаться с чудью, сливаться с нею. Но впереди колониста-славянина в Чудь шел торговый хищник, несший закабаление краю. Для истории края необходимо проследить как шел процесс этого захвата и одновременно закабаления края новгородцами, а потом Москвой.

II. Жизнь края по Оброчной Книге 1500 г.

Вся Водская пятина во время впадения ею Великим Новгородом разделялась на уезды, а уезды—на погосты (нечто сходное с волостью). В погостах были села, сельца, деревни и починки. Селом обыкновенно называлась более или менее крупная деревня, в которой находился двор более или менее крупного помещика; сельцом—деревня, где жил более мелкий помещик; деревней—обыкновенное селение с известным количеством расчищенной под пашню земли; починок—начинающаяся, только что заложенная деревня, не устроенная еще, не имеющая достаточного количества расчищенной земли.

Всего уездов в пятине было шесть: Новгородский, Ореховский (Шлиссельбургский), Ладожский, Корельский (в Финляндии), Копорский и Ямской, а погостов в них 61. Самым обширным по территории был Корельский северный уезд. Из уездов же на месте теперешней Ленинградской губ. самым большим был Копорский (20 погостов) и самым маленьким Ямской. Последний занимал, приблизительно, около $1\frac{1}{2}$ своей теперешней площади: вся северо-восточная часть уезда от линии Косколово-Расья-Фалилеево-Куты-Онстопель и Ивановское на Луге входила в Копорский уезд и составляла погосты Ястребинский, Врудский, Ратчинский, Григорьев-Льешский и Каргальской. Часть уезда за Лугой (Гор. и Нар. вол.) входила в состав Шелонской пятины и составляли Петровский погост. В Ямском же уезде было всего 4 погоста: Окологородье, Опольский, Ратчинский (часть) и Толдожский (Котельский).

Чтоб нарисовать как шла колонизация края новгородцами, надо указать, что представляла из себя тогдашняя природа Вотьской земли. Мы теперь точную картину этой природы можем видеть только в немногих местах. Это был сплошной, преимущественно хвойный лес, разорванный линиями больших и малых рек, озерами, болотами и мхами. Озер было гораздо больше, чем теперь. Кой-где среди леса встречались обширные поляны (по древнему поля), поросшие травой. По берегам рек тянулись луга, зачастую не ведавшие косы. Дорог в лесу не было и единственными путями сообщения служили реки и озера. Земли свободной было много. Население было крайне редкое. Чтоб судить насколько редко было оно, достаточно сказать, что по шведским описям в наших местах приходилось меньше $2\frac{1}{2}$ жителей на кв. версту. А ведь это было уже в XVII в. перед завоеванием края Петром I.

Ясно, что для новгородского купца-хищника, явившегося в вотьский край, надо было найти человека-труженика, который оживил-бы, двинул бы с места мертвые богатства. Первым объектом эксплуатации и явилась сама

чудь. Проникший в край по водным путям новгородец завязал с нею прежде всего торговые связи. Это было тем легче сделать, что чуть держалась, как все старинные жители, главным образом по берегам рек. Местами торговли избирались наиболее оживленные пункты, бывшие вероятно местами чудьских богослужений. Здесь купцы (гости—по старинному) „гостили“ и здесь же эти купцы впоследствии ставили опорные пункты для захвата края. Из места гостыбы—торговли возник погост,—административный центр с церковью, к которому „тянули“ (т. е. подчинялись) окрестные деревни и починки. Чудь облагалась данью или уходила в леса. Новгородец захватывал ее землю и начинал поселять на ней русских крестьян. Процесс шел чрезвычайно быстро и к концу XII века процесс захвата был почти закончен. Из тонкой торговой нити свился толстый кабаньей канат. Владельцами почти всей земли сделались новгородские бояре, купцы, попы и монастыри, а масса трудящегося населения—и чуди, и русских—попала к ним в кабальные условия.

Захват края шел, расширяясь от Новгорода. В первую очередь подверглись описанной колонизации места, находившиеся ближе к Новгороду, отдаленные позднее;—а из отдаленных первыми захвачены места вдоль водных дорог. Это ясно можно проследить по расположению погостов. Большая часть их поставлена была по рекам и речкам, входящим в бассейн Волхова и Луги. Например, из погостов на территории нашего уеза Окологородье было на Луге, Ястребинский на р. Хревице, притоке Луги, Врудский на р. Вруде, Опольский по верховьям р. Соля, Толдожский по р. Суме, прироке Систы.

По рекам же и речкам располагалась и большая часть деревень в самих погостах. В Ямском Окологородьи из 11 деревень, „тянувших“ к нему, 10 расположены были на Луге и только Крякково—Клин (Крикково) находилась несколько в стороне. В Ястребинском погосте, в который входила целиком и вся теперешняя Редкинская вол., из 29 селений, 19 расположены по Луге и ее притокам Хревице, Лубнице, Пелети и Лемовже, а остальные 10 в недалеком расстоянии от них. В огромном Толдожском погосте было всего 16 посел., большинство которых находилось в долине р. Сумы: Расья, Котел, Руд'ела Новая, Руд'ела Старая и т. д.

Явление понятное: реки служили не только дорогами, но их долины были и наиболее удобными пунктами для хозяйственной работы. По заливным берегам расстиались луга—готовые покосы; лес очень часто отступал от берегов—находились места, годные для пашни; богатство рек рыбой давало легко и постоянно добываемую пищу.

Кроме речных долин новгородца привлекали и „поля“—поляны в лесах. Без труда на уничтожение леса они давали готовое место для пашни. Такой обширной поляной в лесу был, очевидно, район Ополя, что ясно звучит уже в его названии (о поле, т. е. на поле). Понятно почему этот район был густо заселен еще во времена Великого Новгорода. По Новгородским описям в Опольском погосте значились все те селения и под теми же названиями, которые существуют и сейчас в быв. Ополицкой вол. (кроме Тикописи, возникшей позднее). Из названия деревень мы можем даже восстановить где кончалось поле. Недалеко от Ополя стоит дер. Заполье, название которое ясно говорит, что она была уже за полем. Но где именно? А рядом с Заполем стояла теперь несуществующая дер. Бор, которую очевидно окружал лес, бор. Точно также о лесе напоминает и название дер. Кут, стоящей с другой стороны Ополя.

Что колонизация шла именно так, как указано выше, мы можем

проследить и по названиям деревень. Например, севернее дер. Бор, уже в Толдожском погосте, немного южнее Пицлова, была в древности деревня тоже Бор, но с приставкой Каллин Бор. Очевидно, из первого или после первого Бора образовалась дальше в глубине леса новая деревня—и в отличие от первой получила добавку Каллин (нынешняя деревня Каллино).

Кут есть в Ополюском погосте и Кут был далеко на севере, в теперешней Наровской пол., и назывался Кут Меньшой. В Ястребинском погосте на Луге была дер. Вяз, а на сев.-запад от нея на р. Вруде образовалась позднее дер. Вязок. Сельцо Куровичи было в Копорском уезде и Куровичи есть и сейчас на Луге (в прежнем Ямском Окологородьи). Деревень с именем Захонье мы встречаем очень много, начиная от Новгорода и кончая Захоньем в Горьской вол. Около Яма стоит сейчас старинная дер. Порхово, известная по Новгор. описям. Ее название наводит прямо на мысль, что она образовалась из выходцев из Порхова (город в Новгородской губ.).

400 лет назад Калмоток на Луге было две. Одна образовалась ближе к Яму, другая потом дальше. Одна Калмотка была отдана в поместье Юрке Игнатьеву и стала называться Юркино.

Части (кварталы) Новгорода назывались концами. И несомненно, в подражание этим концам появились в нашем уезде селения с именем конец, например, Воцкий Конец около Сойкина Большой Конец (теперешние Котлы) или Медвежий Конец в Троицком уезде.

Наконец, среди названий деревень в нашем уезде попадаются такие, которые имеют слово Весь, Лоть, Сумь, т. е. названия финских племен, живших около Волхова и дальше его на сев.-восток. Например, Сумско, Лопец, Новая Вась (Новесь), Ушья Вась (Ушевицы), Ямская Вась (Ямсковицы). Ясно, что эти названия могли принести в наши места только колонисты, пришедшие из районов по Волхову, т. е. из старинных новгородских областей.

Каково же было хозяйство Вотьской пятины, в каких условиях жила главная масса тогдашнего населения—крестьянство? Богатый ответ на эти вопросы дает нам Оброчная книга Вотьской пятины составленная московскими писцами Дмитрием Китаевым и Никитой Моклазовым в 1500 г., сохранившаяся по настоящее время. Составлена она была по следующему поводу.

В 1478 г. московский князь Иван III подчинил своей власти Новгород и его области. Боярство новгородское, крупные землевладельцы были высланы Иваном III в Москву, Нижний, а имущество их „отписано на великого князя“, т. е. конфисковано. Землевладение монастырей и „владыки“ новгородского было также забрано на великого князя, который и сделался владельцем громадных новгородских территорий. Оброчная книга 1500 г. как раз и давала опись всем землям Вотьской пятины, указывая кому они принадлежали раньше (т. е. во времена владения Новгорода), кому принадлежат теперь, в 1500 г., какие наложены на крестьян подати, с показанием деревень, дворов и даже имен жителей.

Разбирая данные этой книги, мы видим, что самими крупными землевладельцами нашего уезда в новгородское время были некоторые новгородские боярские фамилии и монастыри Хутынский и Юрьев в Новгороде. Владения их носили характер форменных крепостнических вотчин. Сами владельцы жили в столице—Новгороде, а вотчина платила им громадные оброки, для сбора которых имелись особые ключники, причем содержание этих ключников падало на крестьян. Особенно большим коли-

ством земли владела фамилия Овиновых (деревня Овинцево происходит от этой фамилии), члены которой были новгородскими посадниками. Они владели землей, начиная от Ивановского на Луге и кончая берегом Финского залива. Врудой владел Хутынский монастырь. Район Ильеш (погост Григорьев—Льешский) принадлежал Юрьеву новгородскому монастырю и т. д.

Но кроме столичных магнатов были и более мелкие и даже совсем мелкие владельцы, жившие в самой пятине в своих поместьях. Такой класс земельных собственников назывался у новгородцев своеземцами. Более крупные, так называемые лучшие своеземцы, составляли в своем роде аристократию уездных городов, имели в последних свои дворы, в которых одни жили по временам, другие постоянно. Мелкие своеземцы являлись по существу свободными хозяевами на земле. Они иногда составляли товарищества как для общей работы на земле, так и для эксплуатации каких-нибудь богатств, например рыбной ловли. Члены таких товариществ назывались сябрами. Как отголосок их существования одно из озер в Лужском уезде до сих пор называется Сяберо (в Бельско-Сяберской волости, на границе с Кингисеппским уездом).

Так как вся земля и ее угодья захвачены были светской и духовной аристократией, понятно, что и подавляющая масса крестьянства жила на владельческих землях, зачастую на условиях половинной доли из урожая (половники). Но очень маленькая горсточка крестьян жила на землях всего Новгорода в целом. Это были нечто вроде позднейших государственных крестьян, и назывались они смердами. Память о них в нашем уезде сохранилась в названии деревни Смердовиц, Молосковицкой волости. Точно также около города Луги сохранилась старинная деревня Смерди, населенная в былое время смердами.

Иван III произвел настоящую революцию во владельческом классе пятины: прежние владельцы—Овиновы и другие—были изгнаны, а на их место, как сказано в летописи 1489 г.—„князь великий москвич и иных городов людей посла на житье“. Насколько основательно проведена была чистка новгородских помещиков видно из следующего подсчета, сделанного по Оброчной книге.

В Вотьской пятине за великом князем, у которого здесь до 1478 г. не было ни клочка земли, числилось в 1500 г. 83% всей земельной площади; за своеземцами осталось только 8%, у погостских попов, „владыки“ и монастырей 7,5%, у купцов только полпроцента. Последних даже перецеждали наши ямляне (своеземцы Яма), сохранившие 1%. Землевладение же новгородского боярства было начисто уничтожено.

Москва быстро распорядилась с конфискованной землей. Край надо было защищать прежде всего от Ливонских рыцарей, сидевших за Наровой, от Швеции и других врагов. Против Ливонии Иван III выстроил каменную крепость Ивань-город (в Нарве, против ливонского замка) и уезды Ямской, Копорский, Ореховский, Иваньгородское окологородье (теперешняя Горьская и Наровская волости) почти начисто роздал в поместье своим служилым людям. Всего дворов тогда в Ямской уезде было 1030, из них служилым людям отдано 810. Ястребинский погост, например, целиком был роздан помещикам. В Копорском уезде из 3858 дворов за казной оставлено было 261, а 3414 отданы служилым людям. Таким образом вместо нескольких крупных магнатов, управлявших своими вотчинами из Новгорода, на наши места упал целый град мелких московских помещиков. За небольшим исключением все они стали жить в поместьях. Оброчная книга, отмечая 350 помещиков, посаженных в пятине Москвой, относи-

тельно 250 определенно отмечает, что они жили в поместьях. Например, село Войносола поделено было между двумя помещиками: Григорием Шушлебою и Ивашком Шатюком. В описи села значится, что сам Ивашко и „человек его Прибыток“ жили в Войносоле и на Ивашкину долю приходилось 15 дворов крестьян.

„Волостка Ондреевская“ Опольского погоста, в которую входили Рагвицы, часть Керстова, Мальи и Кута, в количестве всего 62 дворов отдана была „ямскому городчику Сеньке Мустофе, сыну его Ондрейке да зятям Мустофиным Федьке Нестерову да Ивашке Гридину“. Итого целых 4 помещика. Сын Мустофин жил в Рагвицах и там же жил „человек его Митя“. И такие пометки мы находим по каждой более или менее крупной деревне. Например „село Лошь (Лопец) за Андреем, за Васильем, да за Борисом детьми Сухово в поместьи, а в нем двор Ондреев, а в нем сам живет и человек его Ворыпайко“...

„Село Сумско (за Васильем Сухим), а в нем двор Весильев, а в нем сам Василий, двор человека его Сеньки“.

„Село Кикерицы (за Ивашком сыном Загосткиным), двор большой, в нем сам Ивашко“ и т. д.

Всего по Вотьской пятине в поместье роздано было 8597 дворов и мы знаем, что помещиков было не менее 350 человек; следовательно, в среднем на помещика приходилось около 24 дворов. Но были среди служилых людей персоны более важные и они получали гораздо больше (до 150 и больше дворов), на долю же мелкоты приходилось значительно меньше этого среднего числа.

Помещиков действительно, как видим, упал на наш уезд целый град. Какие же тяготы легли от этого на крестьян?

Прежде всего крестьянин должен был заплатить в княжескую казну обязательную для всех, кроме попов, обещанную дань по 7 денег с обжи. Об же и назывался земельный участок, который мог обработать один человек на одной лошади. На наши меры обжа, приблизительно, будет равняться от 9 до 12 десятин (общеустановленных точных земельных мер в старину не было). Затем помещику он должен платить был в среднем $\frac{1}{2}$ урожая (платилось от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{2}$), с добавкой всевозможными продуктами — мясом, баранами, льном, маслом, пивом, яйцами, овчинами, рыбой и т. д. — не менее чем на 5 денег. 2 деньги новгородских полагалось ключнику за сбор податей. Если мы будем считать, что в старину крестьянин засеивал ежегодно 5 десятин, с десятины собирал по 30 пудов, будет 150 пудов; следовательно, помещику он должен был платить 50 пудов зерном. Обещанной дани, ключничьих и прочего сбора было на 14 денег. Коробья ржи в то время, равная нашей четверти (причем новгородская коробья была большее, до 12 пудов) стоила 10 денег. Следовательно, переводя на рожь, — еще 12 пудов. Итого 64 пуда с обжи, не считая расхода на попов, на ночлеги правительственных гонцов и пр.

Расчет этот подтверждается размером оброка казенного крестьянина того времени. По Ямскому уезду последний платил 66 денег с обжи, да ключничьих 2 деньги, всего 68 денег. Переводя на рожь, получится не менее 56 пудов с обжи. Тяжко, как видим, нагружен был подателями наш предок — крестьянин. Но это средний расчет. Иногда и эта средняя податная нагрузка увеличивалась.

Интересно отметить, что монастыри, призванные насаждать „свет христов“ и сохранившие после конфискации часть своих владений, в поборах с крестьян не отставали от помещиков. Вот для образчика, что

взимали с 6 крестьянских дворов деревни Васакара, Котельской волости, монахи „пречистые монастыря Елисеевой пустыни, что на реце на Систи, повыше устья Сумского“: $\frac{1}{2}$ часть из хлеба, 5 горстей льну, 30 хлебов, 43 деньги, 3 бочки пива и особо ключнику горсть льну. Переводя на рожь будет около 55—60 пуд со двора. К сожалению, я не нашел нигде справки сколько в „пречистом монастыре“ было монахов, для которых понадобились 3 бочки пива... Впрочем, не 3, а пять, т. е. с дер. Изори, принадлежавшей тому же монастырю, доставлялось еще 2 бочки...

Но, скажут, если тяжелы были поборы с крестьян, то у них оставались льготными такие доходные статьи, как охота, рыбная ловля...

Увы! по Оброчной книге право на охоту тоже облагалось оброком. О величине оброка за охоту на землях великого князя можно судить по такой пометке: „Дан на оброках мох Вежицкий великого князя христианам... На том мху ловити им соколы (соколами) себе, а за сокол давати на год оброку 5 гривен новгородские“. А в новгородской гривне: было 42 деньги. Вряд ли у крестьян могло много остаться от охоты после такого побора.

Лучшие рыбные ловли, как, например, 5 озер в Котельской волости — Глубокое, Получское и др., — принадлежали наместнику ямскому и облагались податью, как натурой, так и деньгами. „На те озера на поледную ловлю в осенинах посылает наместник ямской своих поледчиков, а ловят на наместника 5 ден“, — сказано в Оброчной книге. А оброку наложено было на весь район 18 рублей, т. е. 396 денег.

При таких тяготах и поборах с почти единственного тогда производящего слоя — крестьян — мог ли развиваться нормально край? Конечно, нет. Очень часто отстроенные деревни исчезали, крестьяне разбегались, расчищенная земля лежала впусте. Подтверждение этому находим мы и в Оброчной книге. Описывается, например, дер. Смердовицы, Врудского погоста, в ней на лицо 17 дворов. А после описи добавка, что раньше в Смердовицах было 26 дворов, да около еще была деревня в 4 двора, а „теперь та деревня пуста“. Убыль, значит, почти на половину...

Но наиболее яркий документ по этому вопросу находим мы в Оброчной книге Шелонской пятины, составленной позднее, в 1571 г., когда московские порядки вошли в жизнь во всей своей силе. Там, в конце описи Петровского погоста (теперешняя Горкская и Наровская вол.), прибавлен был следующий „дозорный список“, т. е. протокола осмотра, запустевших деревень:

„В Шелонской пятине, в Залесской половине, в Петровском погосте да в Ямском Окологородье сын боярской Яныш Иванов сын Муравьев, да подъячий Кирилко Кистячков“ потребовали описи сел и деревень от приказчика великокняжеских деревень Федьки Бары, от земцев, монастырских игуменов и попов и со всеми ими по запустевшим деревням ездили и „дозирали пустых обож, и которые обжи в пусте написаны и те обжи пусты, а прибыльных и отхожих пашон и всяких угодьев нет. И мы, Яныш Муравьев и подъячий Кирилко спросили (приказчика, игуменов и др.): — отчего те обжи запустели и давно-ль?“ Ответ: — „запустели те деревни от податей и с голоду люди померли, а иные с голоду люди поразошлись и от того те деревни запустели“...

Таково было положение крестьян. Москва, как видим, изгнав Овиновых и др., — еще плотнее их потом уселась на крестьянские плечи. Интересно теперь: какие же занятия и доходы имел крестьянин, чтоб себя кормить и выполнять описанное выше бремя податей?

По установившемуся понятию в нашем уезде, в лесах, в старину должно было процветать пчеловодство. Оброчная книга опровергает это представление. Пчеловодство во всей Водьской пятине отмечено только в 2-х местах под Новгородом: в дер. Осее и в Вежицком лесу. Обе борти принадлежали вел. князю. Вежицкая сдавалась в аренду Петроку Васкову за пуд меда в год, „а не будет пуда меду и ему давать полторы гривны новгородские“. Борть в Осее никому не сдавалась и туда „в медолаз ездит подлащик из Новгорода“, чтоб забирать мед. Из этих данных легко догадаться, что Москва даже старалась привить у нас пчеловодство (чтоб потом, конечно, его „положить в оброк“), потому что братъ с Петрока Васкова 1½ гривны за борть это очень дешево и совсем не в обычае княжеской казны. Ведь за охоту с соколом в Вежицком мху брали 5 гривен...

Главным занятием крестьян в наших местах и в то время было земледелие и скотоводство. Так как помещики брали с крестьян подати всем, что они производили, то по Оброчной книге можно установить, что здесь сеяли: рожь, ячмень, овес, гречу, горох, лен. Скот был: лошади, коровы, бараны, свиньи. Из птиц отмечаются куры.

Величину тогдашних урожаев точно указать мы не можем, т. к. в Оброчной книге об этом не говорится, но количество обрабатываемой земли высчитать приблизительно можно. Всего селений, дворов, людей (т. е. домохозяев, не считая членов семьи) и обжей по уездам пятины в 1500 г. было:

	Селений.	Дворов.	Человек.	Обжей.
Новгородский уезд . . .	1082	3448	5172	3521½
Ладожский » . . .	411	732	1179	758
Ореховский » . . .	1347	3103	4220	2619
Корельский » . . .	954	2933	4105	3960
Ямской » . . .	80	1030	1324	850½
Копорский » . . .	513	3858	4976	3721½
ВСЕГО . . .	4387	15104	20976	15430½

Если разделить число обжей на число дворов, выйдет почти ровно по 1 обже на двор. Но во дворе жила не одна семья, а иногда две (складники, соседи, соединившиеся вместе, родственники) и, если разделить обжи на людей, выйдет на каждого главу семьи по ¼ обжи. Если мы обжу примем даже в самом большом размере, в 12 дес., получится по 9 десятин на семью. Это не так много для того времени и того уровня хозяйства. Правда, и тогда крестьянин умел уже закладывать в землю „гной“ (навоз), но орудия его были крайне несовершенны: соха и деревянная борона. При этом зачастую ему приходилось „пахать на суках“, т. е. по выжженному, но не корчеванному лесу. У читателя невольно возникнет вопрос:—почему же крестьянин не брал земли больше, ведь ее свободной было много? Но ответ ясен: не мог. Пароконных плугов и косилок, как теперь, тогда не было и пахота обязательно требовала к сохе человека. А одной сохой больше обжи одному человеку было не обработать.

Из других видов сельско-хоз. труда огородничество было, видимо, в самом зачатке. Оброчная книга отметила только капусту и то не в нашем уезде, а в Спасском погосте на р. Оредежи. Фруктовые сады определенно были большой редкостью и в нашем уезде они вовсе не отмечаются. В Оброчной книге все сады внимательно отмечаются с показанием даже сколько в них деревьев, например: „в селе Белом садишко, в нем 9 дерев яблоней“, или „в дер. Колице садишка, 6 дерев“ и т. д. Но эти пометки относятся к Бутковскому погосту (в теперешнем Лужском уезде).

Кроме очевидного неумения вести сады была еще одна причина почему они отсутствовали в то время. Это подвижность тогдашнего населения. Старинный двор, постройки и все обзаведение, создавалось неизмеримо проще, чем теперь. Достаточно сказать, что по всей Вотьской пятине, исключая городов, Оброчной книгой отмечен только 1 плотник (в деревне Велькоте в нашем уезде), да и тот с прииской, что он же пастух. Этот род ремесла в старинной деревне не находил себе применения, так как каждый крестьянин сам ставил себе постройки. Рубил он их без затей из бревен, без удобств, только чтоб тепло держалось, и легко расставался с ними, когда становилось не в моготу, или когда случался неурожай.

Но зато совершенно неожиданно для нас мы находим в Оброчной книге указания на развитую железную промышленность в нашем уезде, находившуюся, конечно, в руках помещиков. Делом этим занимались особенно в Каргальском и Толдожском погостах. Самыми крупными владельцами по этой части были помещики Сухие, владевшие дер. Арбалой, Райковым, Валгушой, Усть-Систой, Петриным. У них было 15 плавильных печей, по тогдашнему названию домниц. У Хвостова и Салтыка Одадурова было 10 домниц, а Салтык владел сельцом Удосол, дер. Горки и Боровичи. В Великине было 11 домниц, в Получье—3, в Расьи—1, в Раноле—1, в Валговичах—11, в Каллином Бору—1, в сельце Коровьем (очевидно теперашний Коровай)—3 и т. д. Всего в обоих погостах отмечено 93 домницы, т. е. целая промышленность. Для домниц в районе Удосола и Арбалы руду копали на землях великого князя по реке Ковоши и в Красных Горах, остальные помещики копали руду „у себя“, т. е. на месте. „Найму“ (оброк) платили с каждой домницы по 1 гривне 2 деньги в год. Если сравнить этот налог с 5 гривнами на сокола, то станет ясно, что помещики умели вести классовую финансовую политику уже за 400 лет до нас.

Руда, шедшая на переработку, была болотной красной рудой (почему и название: Красные Горы), из которой в старину в Московском государстве обычно доставали железо. Сначала эту руду плавляли в домнице на древесном угле и получали чугуны. Потом глыбу чугуна плавляли в открытой печи на древесном угле, куда сбоку вдувался воздух, и помещивали глыбу ломом. Углерод, таким образом уничтожался, оставалось в глыбе железо и шлак. Глыбу вынимали из печи и проковывали молотами; шлак от проковки вытекал вон. Такая прокованная глыба железа, весом от 3 до 5 п., называлась крицею, а описанный способ добывания железа кричным. Он и посейчас существует в некоторых местах Новгородской губ. и Карелии. Железо при этом получается очень высокого качества, выше даже чем при усовершенствованном пудлинговом способе.

Добытое железо измерялось крицами и прутами (в пруте считалось 10 криц). Промысел этот, видимо, особенно привлекал новгородских помещиков, так как в Оброчной Книге есть отметки о взимании ими податей железом. Всего по Толдожскому погосту взималось ими свыше 800 криц,

т. е. больше 3.000 пуд. Большая часть приходилась на Великино, Расью и др., с которых взималось 405 криц. В местах производства железа жило много кузнецов, почему можно предполагать, что там же происходила и выработка изделий. Это можно проследить и по списку податей. Напр., с крошечной деревушки Копаницы взималась между прочим „рукоятная сковорода и топор“, с других „7 демехов“ и т. д. Больше всего кузнечный промысел развит был в сельце Пилола, где из 71 чел. было 19 кузнецов, причем дворы кузнецов всегда почти имели несколько человек—от 2 до 4.

Особым промыслом была, видимо, выгонка смолы. Есть предположение, что село Котел (а в нем Большой Конец, населенный русскими, и Малый Конец, населенный чудью) получило свое название от ям в окрестности, в которых гнали смолу. Точно также по роду занятий получило очевидно свое название и сельцо Смолиговичи, Молосковицкой вол.

Рыболовство, „положенное в оброки“, как отмечено выше, существовало, особенно в Толдожском и Каргальском погостах. В списке податей рыба очень часто упоминается и считается тысячами. Особенно часто отмечается курва. Что это за рыба—неизвестно, но можно предполагать, что это—теперешняя корюшка. Курву эту вялили, нанизывая на лыко сколько поместится, и затем счет так и велся, лыками. Способ ловли были тони и заколы.

Охота же в то время, видимо, не играла особо видной роли, так как только в отметках старых новгородских податей встречаются пометки о „белах“, т. е. беличьих шкурках.

Таков был социальный уклад и хозяйство в нашем уезде более 400 лет назад.

III. Город Ям.

Уездными городами, которым была подчинена теперешняя территория Кингисеппского уезда, были Копорье и Ям. Копорье построено ворвавшимися в наш край ливонскими рыцарями в 1240 г. на месте уже существовавшего там погоста. Укрепившись в Копорьи, ливонцы грозили перерезать новгородцам их важнейшую торговую дорогу Неву-Волхов. Вполне понятно, что новгородцы немедленно со всей энергией обрушились на рыцарей. В 1241 г. Копорье было взято войском Александра Невского.

Но постоянная борьба с Ливонией, закончившаяся только при Иване Грозном, требовала кроме Копорья, укрепленного пункта ближе к ливонской границе. Таким пунктом и был сделан город Ям.

Местность, где стоит Ям, была захвачена новгородцами в XI в. и есть предположение, что на месте города издавна существовало значительное поселение. Предполагают, что в XIII в. здесь были земляные укрепления с деревянным тыном. С целью укрепить линию Луги от Ливонии, новгородцы в 1384 г., как сказано в летописи „поставили городок каменный на реще на Луге—Яму, милостию божиею и поспешением святыя София только в тридцать дней и три“... Следовательно, те стены, по остаткам которых мы теперь ходим и удивляемся их мощности, были построены в 1 месяц. Такая быстрота нас не должна удивлять. Позднее, в 1492 г., войско Ивана III на виду у неприятеля выстроило в Нарве более крупную крепость Иваньгород в 60 дней.

Ям имел сплошную каменную стену с башнями и воротами, обращенными в сторону Нарвы. Вокруг стен шел глубокий ров, часть которого заметна и сейчас со стороны военных складов. Под стенами был подземный ход. О существовании его в „Описании СПб. губ.“ Пушкарева, составленном в 1839 г., сказано, что „старожилы в Ямбурге уверяют, что под валом (т. е. под остатками стены) проведен был потаенный ход и за 50 лет назад сходили они в эти подземелья. При внимательном рассмотрении вала заметны теперь во многих местах ямы и рытвины, сходные с провалинами“...

Место для постройки крепости было выбрано довольно удачно. Обрыв со стороны реки представлял сам по себе надежную защиту города. Обрывистые на довольно большом протяжении противоположные берега и быстрота течения реки не позволяла неприятелю неожиданно переправиться через реку и напасть на него. Сама Луга представляла дорогу в Новгород.

Верховья ее очень близко подходят к речке Мшаге, притоку Шелони, и как раз в этих верховьях, где надо было, выйдя из Луги, волочить лодки во Мшагу, до сих сохранилась старинная деревня Волочок. Очевидно ямляне не раз волочили через этот Волочок свои лодки, как это делали до них норманны.

Только что отстроенной крепости очень скоро пришлось „вступить в дело“. В 1395 г. Ям осадили шведы, но взять не могли, в 1444 г. на него сильно напали Ливонские рыцари, но тоже без успеха; в 1581 г. Ям взяли шведы, а через 9 лет русские отбили его обратно и заключили со шведами мир в дер. Тязино на Луге (теперешний Извоз).

Как видим, Ям знал военные грозы, но, не смотря на это он не запустел, а наоборот развивался и к моменту покорения Новгорода Москвой был довольно крупным городом. При городке-крепости развился посад. В нем поселились торговцы, ремесленники и часть уездной земельной аристократии—своеземцы, с'умевшие не в пример своеземцам других городов, сохранить свои владения от конфискации. Оброчная Книга 1500 г. описывает и Ям и по ней мы довольно точно можем выяснить как его население, так и занятия некоторой части жителей.

Население жило внутри крепости, называемой в описи городом, и на посаде. Посад находился вблизи городских стен и делился на две стороны—Новгородскую и Копорскую. На Новгородской стороне были улицы Козная и Водяная и еще отмечены „дворы за ручьем“. При перечислении дворов есть такая отметка: „от города на Козной улице на горе“. По всем этим признакам надо считать, что район теперешней Грязной улицы и есть место Новгородской стороны посада. Остаток ручья и сейчас еще пересекает Грязную, а гора на Козной это—угорок, на котором стоит собор. Весьма возможно, что Грязная и есть старинная Козная улица. Водяная улица была та, по которой жители посада спускались за водой на Лугу. По всей вероятности это была улица за ручьем, на которой и посейчас заметен старинный спуск к реке.

На Копорской стороне в описи отмечена церковь Спаса. На шведском рисунке Яма 1634 г. слева, приблизительно несколько дальше бывшего высшего начального училища, нарисована церковь и около нея кладбище. Это и есть место Копорской стороны. Она была там, где теперь плац и прилегающие к нему улицы (Малая Бульварная и другие). Тут же началась и старинная Копорская дорога, соединявшая Ям с Копорьем.

По описи в Оброчной книге внутри крепости стояли дворы: ямского наместника, главного управителя уезда; городчика, т. е. смотрителя сооружений крепости (по теперешнему вроде военного инженера), 8 осадных дворов своеземцовых и городских людей (в них жило 8 дворников) и еще 22 двора с 35 человеками городчан и своеземцев. В посаде на Новгородской стороне стояло 112 дворов со 160 человек, на Копорской—97 дворов с 129 человек.

Всего в Яме было 241 двор. Если принять, что в каждом дворе жили люди с семьями и на двор считать по 7 человек, получим, что население Яма в 1500 г. было 1687 чел. Это, как видим, был довольно крупный город, особенно, если мы сравним его с другими городами Вотьской пятины.

В Копорье в это время было всего 28 дворов, в Ладоге 109, в Орешке 185 дворов.

Но мало этого. Ям был и самым промышленным, самым развитым в

социальном отношении городом пятины. Среди его населения можно рассмотреть уже зачатки резкого классового деления. В описи все жители (т. е. главы семей) разбиты по следующим категориям:

лучшие городчане	14 человек
„ своеземцы	59 „
средние городчане	28 „
„ своеземцы	69 „
молодые городчане	69 „
„ своеземцы	85 „

Всего было 324 семьи. Лучшие и средние жили главным образом на Новгородской стороне. Категория лучших составляла уездную аристократию. Лучшие своеземцы—это помещики, жившие на доходы со своих поместий. Лучшие городчане составляли, видимо, финансовую аристократию городка на манер новгородской боярской финансовой аристократии, только в уменьшенном уездном масштабе. Средние же молодые земцы обрабатывали землю, а часть вместе с городчанами занималась ремеслами. Ремесленников отмечено по Яму 37 человек. Из своеземцев было: 2 сапожника, 1 лучник, из городчан: 3 кузнеца, 2 рыболова, 1 дегтярь, 2 москотинника, 1 кожевник, 3 плотника, 3 портных мастера, 1 швец, 1 корчмит, 1 колпачник, 1 ковшечник, 2 горничара, 1 токарь, 1 мясник, 4 пастуха и 7 скоморохов.

Чтоб найти занятия портным, шведу и 7 скоморохам, необходим был помещичий и богатый буржуазный прослой, так как не обывателя же тешили и обшивали в 1500 г. ямские скоморохи и портные. Если считать в этом прослойке только одну категорию лучших, и тогда получится 73 семьи.

В это время в Ладоге на посаде было лучших людей только 14 чел., а в Копорье во всем городе было 2 своеземца. Ремесленников в Копорье было только 2—седельник да колпачник, в Ладоге—4, а в Орешке—1 и тот пастух.

Такому развитию Яма способствовала несомненно его связь с Новгородом с одной стороны, и в то же время удаленность его от Новгорода настолько, чтоб столица не могла задушить уездный городок. От Орешка и Ладоги, расположенных на главной торговой дороге, отнимал соки сам Новгород, а Ям мог развиваться самостоятельно. Кроме того, он был близок к Нарве и Ивангороду, где на Ивангородском посаде шла временами оживленная торговля с иностранцами.

В числе жителей города мы не видим войска. Но оно в старину занимало город только в военное время, а в мирное—служилые люди жили в своих поместьях. В случае надобности они являлись по зову наместника.

Самой важной персоной в уезде и городе был наместник. Ему отданы были в кормление сельца и волости в уезде: в Окологородьи Куровичи и Варивы (несуществующая сейчас деревня против Куземкина), в Толдожском погосте: Пумалица, Войносола (часть), Пилола, Расья, Рудьелы, Рапола, Валговичи, Лужицы и т. д.—всего 165 дворов крестьян. Так как во всем Ямском уезде было 1030 дворов, выйдет, что 16% населения „кормило“ одного наместника.

Городчик—крепостной инженер—был особой маленькой. Его имя и

в описи проставлено просто: — „Сенька Мустофа Шереметевский“ Об его поместье в Опольском погосте сказано выше.

Ямским своеземцам принадлежало, главным образом, Окологородье, т. е. деревни по Луге вверх и вниз от Яма.

Про попов ямских и монахинь (на Копорской стороне был женский монастырь) в описи Шелонской пятины 1571 г. сказано, что „за игуменьей Парасковьею, да за попы за Левонтьем, да за Евстратъем, да за дьячки“ числились: сельцо Липово, Захонье, Гурылево, Кут, да „деревня на Виби реке“ (Наровской вол.). Как хозяйничали там попы видно из пометки, что „на Виби реке, обжи были пусты“. И этих самых попов с игуменьей Парасковьею допрашивал Яныш Муравьев—отчего у них деревни запустели.

IV. Промышленные затеи XVIII и начала XIX в.

При Иване Грозном распался Ливонский орден и на берегах Наровы соседями русских очутились шведы. В эпоху „смуты“ в начале XVII в. они, под командой Делягарди, заняли всю Вотскую пятину. Воцарившиеся Романовы принуждены были заключить со шведами мир в Столбове в 1617 г. и отдать им уезды Яма, Копорья, Корелы и Орешка.

Шведы оставили здесь московское административное деление—на уезды и погосты. Четыре уезда: Ям, Копорье, Ивангород и Нетеборг (Орешек) они соединили в провинцию Ингерманландию и одно время Ям был даже главным городом этой провинции. В податном деле они провели подушную подать, причем от этой подати освобождали тех из русских, кто переходил в лютеранство. Интересно отметить, что часть русских помещиков, не ушедшая в Московию, немедленно приняла лютеранство, так что немного спустя после Столбовского мира православными среди русских помещиков остались только несколько старух.

Край вначале был разорен войною, население его сильно поредело. Чтоб пополнить его, шведы приглашали немцев-колонистов, но те не шли сюда. В небольшом числе переселились только финны из Финляндии. Видимо, никто еще не верил, что Москва не начнет скоро новой войны за обратное отвоевание края. Только, когда при царе Алексее в 1661 г. был заключен новый договор с Москвою, по которому Ингерманландия опять осталась за Швецией, сюда из Финляндии начался большой прилив финнов-крестьян. В это именно время появились как новые финские деревни в нашем уезде, так и некоторые старинные русские—вроде Смолегович, Шугович, Кикериц, превратились в финские. Финны очевидно заняли брошенные русскими места.

Через 100 лет, при Петре I, Москва отвоевала Ингерманландию. В 1703 г. был взят Ям, в 1704 г.—Нарва. Наша местность, подпав под власть императорской России, очутилась под боком новой столицы—Петербурга. Это сразу же отразилось на ее существовании. Заняв Копорье и Ям, Петр „пожаловал“ их Меншикову. Петровскому вельможе нужна была вотчина под боком новой столицы и он ее получил в размере двух завоеванных уездов. Это было началом той раздачи нашего уезда всевозможным придворным прихлебателям, которая пойдет потом на протяжении полутора столетий.

В Ямбурге при шведах, видимо, началось уже зарождение мануфактурной промышленности. Есть известие, правда неопределенное, что в Яме при шведах была какая то мануфактура. Но зато о существовании стеклянных заводов в уезде мы знаем определенно из указа Петра 1717 г., в

котором велено было „стеклянные заводы, которые в Ямбургском уезде в дер. Жабино, отдать на откуп охочим русским и иноземцам“.

Затем на протяжении всего XVIII в. мы видим целый ряд попыток создать в Кингиссепе промышленность. Внешняя причина к этому была совсем странная: опасение, что для Питера не хватит дров, так как созданные Петром в Питере заводы уничтожали на топливо леса вокруг. А доставка дров в Питер в то время, когда еще не были оборудованы Ладожские каналы, представляла громадные трудности.

По этой причине было предложено перевести в Ямбург Сестрорецкие заводы. Стеклоплавильные же заводы определенно решено было перевести сюда и об этом состоялся даже в 1755 году сенатский указ.

В 1759 г. Елизавета I распорядилась, чтобы в Питере и его окрестностях „для соблюдения лесов никаких фабрик и заводов вновь не заводить, а кто пожелает такие фабрики в здешних местах заводить, тем позволение к заведению оных давать в Ямбургском уезде, где лесов находится довольно, кои к Петербургу за дальним и трудным препровождением не способны“.

И несколько позднее, уже во время Екатерины, один из ее генералов—Елагин—размахнулся грандиозным проектом создать из Ямбура целый промышленный город. Конечно, только в век крепостного труда можно было размахиваться подобными проектами.

Елагин предложил создать в Ямбурге громадную мануфактуру, где должны были выделяться сукна, шелковые материи, батист, чулки, зеркала и прочее. При мануфактуре должен быть не менее великолепный гостинный двор с 44 магазинами и крытой галлереей. Соответственно этому должен быть построен новый город, с каменными зданиями, аллеями, с каналом, проведенным от Луги. Старинная крепость должна быть сломана, т. к. она могла дать материал для постройки, а во-вторых она портила бы вид с „эспланады“ нового города.

После долгих оттяжек, Екатерина дала свое согласие. В это время значительная часть крестьян уезда вновь находилась в казне, так как меньшиковское имущество было конфисковано при Бироне. И вот крепостным трудом под руководством Елагина началось осуществление генеральской фантазматории. Стена крепости и башни были сломаны. На угорке построен и посвящен Екатерине собор, который стоит сейчас. Для гостинного двора отстроены здания нынешних казарм с 8-угольной площадью по середине. На площади был воздвигнут обелиск. Вдоль проложенного уже тогда шоссе на Питер началась постройка нового города, но каменных домов было построено только два, где теперь тюрьма и почта. За ними был большой свободный промежуток для постройки новых каменных домов, а дальше вдоль шоссе шли вновь отстроенные деревянные дома, которые назывались „Новой деревянной слободой“, в отличие от сохранившегося в районе Грязной старинного Ямского посада, называвшегося тогда „Старой деревянной слободой“. В Новой слободе поселился целый штат чиновников.

Насколько все дело было продумано, достаточно сказать, что рядом со всей этой пышной строительной затеей оставалась старая неудобная переправа через Лугу по дороге в Нарву. Спуски с берегов к переправе были такие крутые и грязные, что в дождливое время около 100 крепостных стонялось на оба берега Луги, чтоб спускать и поднимать проезжавшие экипажи. „Зрелище было очень любопытное“,—замечает в 1780 г. проезжавший здесь немец. Вряд ли только с ним согласились бы те сотни крестьян, что днем и ночью мокли в осеннюю стужу, поднимая барские дормезы.

К концу царствования Екатерины мануфактура была открыта. Мастерские располагались позади пышного гостинного двора. В Питере заведены были свои лавки. Но вся затея, на которую так много было ухлопано народного труда, неожиданно рухнула. Деревянные постройки мастерских сгорели. Дело было брошено, город остался недостроенным, канал непролупым.

На развалинах мануфактуры сразу же примостились три частных предпринимателя, более приспособленных к делу, чем пышный екатерининский генерал: иностранец Крейц, купец Шевелев и нарвский купец Грослауп. О том, как они вели дело, сохранились чрезвычайно интересные сведения.

Крейц—самый крупный из них—держал ткацкую мануфактуру в Новой слободе и перерабатывал около 400 пуд. хлопка ежегодно. Покупал он хлопок от 11 до 18 руб. пуд. Мастерскими у него были многие жители Пятницкого и немецких колоний, обученные на сгоревшей мануфактуре. Вырабатывались широкие до 2-х арш. ткани для одеял и поуже. Тканье широкой материи происходило в помещении мануфактуры, где для этого имелось 2 ткацких станка. Тканье же узких раздавалось на дом, где у рабочих имелись свои станки. Плата ткачам была сделанная: за изготовление широкой ткани от 6—7 коп. за аршин, узкой от—4 до 5 коп. Если считать, что рабочий в ручную не мог выработать более 2 арш., то плата его равнялась 12—8 коп. в день. Цены на продукты в то время, приблизительно, были такие: фунт хлеба $1\frac{1}{2}$ коп., ситника—1 коп., мясо от 2 до 3 коп., рыба около 2 коп. Ясно, что выработать можно было столько, чтоб не умереть с семьей с голоду.

Сам же Крейц брал за свои изделия по 65 коп. аршин за широкую ткань и по 45 коп. за узкую. Изделия свои он сбывал в Ригу, Ревель, Нарву и Питер, где у него был свой магазин. Перевозка товара в Питер стоила 20 коп. с пуда, с условием за эту же цену везти груз и оттуда; в Нарву—3 коп. Из всех этих данных легко высчитать какой % барыша клал себе в карман старинный кингиссепский буржуа.

Второй предприниматель Грослауп обосновался на месте сгоревшей суконной фабрики и выделял сукна 2-х сортов: попроще по 2 р. 50 к. аршин и лучшие по 9 руб. Для лучшего сукна шерсть получалась из Испании, а для простого из Лифляндии. Сам Грослауп жил в Нарве и там сбывал большую часть товара. Мастеров у него было 30 человек.

Шевелев имел маленькое заведение в Старой слободе и работали у него мастера сгоревшей мануфактуры.

Но на этом не кончилась широкая елагинская затея: она возродилась вновь при Александре I. В 1816 г. нашелся некий швейцарский гражданин Симон Фридрих Либ, предложивший организовать в Ямбурге ситцевую фабрику и „практическое хозяйство по системе Фелленберга“. С утверждения царя Либ заключил 26 июня 1816 г. с министерством внутренних дел договор, чрезвычайно интересный со всех точек зрения: и для характеристики тогдашнего прожектерства, и для характеристики технического уровня промышленности в то время, и для описания самого гор. Кингиссеппа.

— „Я Либ,—сказано в договоре,—обязываюсь: 1) учредить в Ямбурге обширную ситцевую фабрику, на которой буду печатать ситцы цилиндрами, прятать на машинах бумагу, ткать из нее полотна, химически отбеливать оные, красить бумажную пряжу в красный турецкий и в синий особенный, а шерстяные ткани в алый цвет; также завести практическое хозяйство по системе Фелленберга. 2) На все сие употребить весьма значительный собственный капитал, выписать из Швейцарии мастеров и хозяев, кои с семействами составят до 500 душ и доставить для фабрики инструменты,

котором велено было „стеклянные заводы, которые в Ямбургском уезде в дер. Жабино, отдать на откуп охочим русским и иноземцам“.

Затем на протяжении всего XVIII в. мы видим целый ряд попыток создать в Кингисеппе промышленность. Внешняя причина к этому была совсем странная: опасение, что для Питера не хватит дров, так как созданные Петром в Питере заводы уничтожали на топливо леса вокруг. А доставка дров в Питер в то время, когда еще не были оборудованы Ладожские каналы, представляла громадные трудности.

По этой причине было предположено перевести в Ямбург Сестрорецкие заводы. Стекланные же заводы определенно решено было перевести сюда и об этом состоялся даже в 1755 году сенатский указ.

В 1759 г. Елизавета I распорядилась, чтобы в Питере и его окрестностях „для соблюдения лесов никаких фабрик и заводов вновь не заводить, а кто пожелает такие фабрики в здешних местах заводить, тем позволение к заведению оных давать в Ямбургском уезде, где лесов находится довольно, кои к Петербургу за дальним и трудным препровождением не способны“.

И несколько позднее, уже во время Екатерины, один из ее генералов—Елагин—размахнулся грандиозным проектом создать из Ямбура целый промышленный город. Конечно, только в век крепостного труда можно было размахиваться подобными проектами.

Елагин предложил создать в Ямбурге громадную мануфактуру, где должны были выделяться сукна, шелковые материи, батист, чулки, зеркала и прочее. При мануфактуре должен быть не менее великолепный гостинный двор с 44 магазинами и крытой галлереей. Соответственно этому должен быть построен новый город, с каменными зданиями, аллеями, с каналом, проведенным от Луги. Старинная крепость должна быть сломана, т. к. она могла дать материал для постройки, а во-вторых она портила бы вид с „эспланады“ нового города.

После долгих оттяжек, Екатерина дала свое согласие. В это время значительная часть крестьян уезда вновь находилась в казне, так как меньшиковское имущество было конфисковано при Бироне. И вот крепостным трудом под руководством Елагина началось осуществление генеральской фантазмагии. Стена крепости и башни были сломаны. На угорке построен и посвящен Екатерине собор, который стоит сейчас. Для гостинного двора отстроены здания нынешних казарм с 8-угольной площадью по середине. На площади был воздвигнут обелиск. Вдоль проложенного уже тогда шоссе на Питер началась постройка нового города, но каменных домов было построено только два, где теперь тюрьма и почта. За ними был большой свободный промежуток для постройки новых каменных домов, а дальше вдоль шоссе шли вновь отстроенные деревянные дома, которые назывались „Новой деревянной слободой“, в отличие от сохранившегося в районе Грязной старинного Ямского посада, называвшегося тогда „Старой деревянной слободой“. В Новой слободе поселился целый штат чиновников.

Насколько все дело было продумано, достаточно сказать, что рядом со всей этой пышной строительной затеей оставалась старая неудобная переправа через Лугу по дороге в Нарву. Спуски с берегов к переправе были такие крутые и грязные, что в дождливое время около 100 крепостных стонялось на оба берега Луги, чтоб спускать и поднимать проезжавшие экипажи. „Зрелище было очень любопытное“,—замечает в 1780 г. проезжавший здесь немец. Вряд-ли только с ним согласились-бы те сотни крестьян, что днем и ночью мокли в осеннюю стужу, поднимая барские дормезы.

К концу царствования Екатерины мануфактура была открыта. Мастерские располагались позади пышного гостинного двора. В Питере заведены были свои давки. Но вся затея, на которую так много было ухлопано народного труда, неожиданно рухнула. Деревянные постройки мастерских сгорели. Дело было брошено, город остался недостроенным, канал непрорытым.

На развалинах мануфактуры сразу же примостились три частных предпринимателя, более приспособленных к делу, чем пышный екатерининский генерал: иностранец Крейц, купец Шевелев и нарвский купец Грослауп. О том, как они вели дело, сохранились чрезвычайно интересные сведения.

Крейц—самый крупный из них—держал ткацкую мануфактуру в Новой слободе и перерабатывал около 400 пуд. хлопка ежегодно. Покупал он хлопок от 11 до 18 руб. пуд. Мастерскими у него были многие жители Пятницкого и немецких колоний, обученные на сгоревшей мануфактуре. Вырабатывались широкие до 2-х арш. ткани для одеял и поуже. Тканье широкой материи происходило в помещении мануфактуры, где для этого имелось 2 ткацких станка. Тканье же узких раздавалось на дом, где у рабочих имелись свои станки. Плата ткачам была сдельная: за изготовление широкой ткани от 6—7 коп. за аршин, узкой от—4 до 5 коп. Если считать, что рабочий в ручную не мог выработать более 2 арш., то плата его равнялась 12—8 коп. в день. Цены на продукты в то время, приблизительно, были такие: фунт хлеба $1\frac{1}{2}$ коп., ситника—1 коп., мясо от 2 до 3 коп., рыба около 2 коп. Ясно, что выработать можно было столько, чтоб не умереть с семьей с голоду.

Сам же Крейц брал за свои изделия по 65 коп. аршин за широкую ткань и по 45 коп. за узкую. Изделия свои он сбывал в Ригу, Ревель, Нарву и Питер, где у него был свой магазин. Перевозка товара в Питер стоила 20 коп. с пуда, с условием за эту же цену везти груз и оттуда; в Нарву—3 коп. Из всех этих данных легко высчитать какой % барыша клал себе в карман старинный кингисеппский буржуа.

Второй предприниматель Грослауп обосновался на месте сгоревшей суконной фабрики и выделял сукна 2-х сортов: попроче по 2 р. 50 к. аршин и лучшие по 9 руб. Для лучшего сукна шерсть получалась из Испании, а для простого из Лифляндии. Сам Грослауп жил в Нарве и там сбывал большую часть товара. Мастеров у него было 30 человек.

Шевелев имел маленькое заведение в Старой слободе и работали у него мастера сгоревшей мануфактуры.

Но на этом не кончилась широкая елагинская затея: она возродилась вновь при Александре I. В 1816 г. нашелся некий швейцарский гражданин Симон Фридрих Либ, предложивший организовать в Ямбурге ситцевую фабрику и „практическое хозяйство по системе Фелленберга“. С утверждения царя Либ заключил 26 июня 1816 г. с министерством внутренних дел договор, чрезвычайно интересный со всех точек зрения: и для характеристики тогдашнего прожектерства, и для характеристики технического уровня промышленности в то время, и для описания самого гор. Кингисеппа.

— „Я Либ,—сказано в договоре,—обязываюсь: 1) учредить в Ямбурге обширную ситцевую фабрику, на которой буду печатать ситцы цилиндрами, прясть на машинах бумагу, ткать из нее полотно, химически отбеливать оные, красить бумажную пряжу в красный турецкий и в синий особенный, а шерстяные ткани в алый цвет; также завести практическое хозяйство по системе Фелленберга. 2) На все сие употребить весьма значительный собственный капитал, выписать из Швейцарии мастеров и хозяев, кои с семействами составят до 500 душ и доставить для фабрики инструменты,

машины, формы, чертежи и пр... 3) Сообщить правительству модели с подробным наставлением вновь изобретенного в Швейцарии механизма для прядения шерсти и обучить всем частям, заведение мое составляющим, такое число казенных учеников, какое обстоятельства мне позволят".

Для устройства всего сказанного, правительство должно:

1) Отдать мне, Либу, 4 корпуса казенного Ямбургского строения, принадлежавшие бывшей там фабрике. Но как в некоторых из них помещаются ныне винные и соляные запасы, а также градская тюрьма, то доколе правительство не построит для себя новых особых зданий, запасы оные и тюрьма будут оставаться и занимать 2 корпуса, по правую сторону дороги со вьезда из СПб. лежащие; другие же 2, по левую сторону дороги, отдаются мне, Либу, в полное мое распоряжение; 2) отдаются мне, сверх того, 2 боковых корпуса, занимаемые ныне духовным (т. е. приходским) училищем, с правлением и церковью для колонистов с их школою" (т. е. теперешние тюрьма и почта).

Для заведения же хозяйства и для снабжения фабрики строевым и дровяным лесом Либу отдавались участки казенной Домашевской дачи: близ дер. Озертиц 211 дес., близ дер. Фалилеевой 200 дес. и из Редкинского обреза 789 дес.

Кроме этих 1200 дес., Либу отдавались следующие места в самом Ямбурге: а) места позади фабрики, т. е. по ту сторону казарм, исключая небольшого участка для огорода почтового двора; б) площадь между фабричными корпусами, в) место где крепость и далее до ручья по Кладбищенской ул.; г) места, где теперь театр, склады, железная дорога и т. д., в размере 21 десятины, с тем, что „в рассуждении отданного под фабрику купцу Грослаупу участка имеет быть учинено особое распоряжение"; д) и „прикосновенные к отдаваемым местам выгонные земли по обе стороны Луги с тем, чтобы „настоящие жители Ямбурга отнюдь не были стеснены в выгоне“.

Во всех этих местах Либ имел право устраивать „белильни, машины и красильни, проводить для сообщений каналы, строить плотины и шлюзы“.

Иностранцам, которых должен был выписать Либ, предоставлялось право ввезти беспошлинно в Россию все свое имущество и беспошлинно товаров по 500 руб. на семью. Казне предоставлялось право, с согласия Либа, отдавать к нему в ученье мальчиков и он должен был „обучать их фабричному делу на всем его протяжении“.

Если подвести итог всему, что получал Либ, то выйдет, что ему отдавался почти весь нынешний Кингисепп, за исключением куса старого посада в районе Грязной ул. А главное обязательство самого Либа сводилось к следующему:—, Все прописанные места, земли, строения и проч. отдаются мне, Либу, в собственность в вечное и потомственное владение, но не иначе, как на праве фабрикантском, т. е. с обязанностью учредить ситцевую фабрику и держать ее в непрерывном действии и добром порядке“.

Этот-то пункт и погубил Либа. В 1819 г. он устроил фабрику в каменных корпусах, но вести ее по условиям договора не мог и все постройки вновь отошли в казну. Интересно отметить, что в 1820 г. в Нарве образовалось акционерное общество—„Нарвская мануфактурная компания“,

в состав которого вошли граф Нессельроде, граф Бенкендорф, Карл Мейснер и др. Надо думать, что не без влияния этой компании, в интересах которой было разорение Либа, произошла конфискация имущества последнего.

А затем пришла эпоха Николая I и всем промышленным затеям в Кингисеппе наступил решительный конец. Гостинный двор в 1832 г. был перестроен под казармы гренадерского полка, ямбургским жителям было дано новое занятие—это, как выразился один чиновник той эпохи,—„сдавать квартиры и услужать г. г. офицерам“.

В то время, когда на Кингисепп падали из Питера столь пышные промышленные проекты, на Кингисеппский уезд падали из того же Питера новые помещики: любовники, придворные выскочки, царская прислуга и т. д. Уезд, как близкий к Питеру, был лакомым куском для всевозможных придворных дельцов; удобно было иметь крепостную вотчину тут же под боком столицы.

Одним из первых получил здесь поместье брат любовника Елизаветы Кирилл Разумовский (Котельской вол.) При сыне его Петре выстроена мыза Петровская (теперь Георгиевская). Петр Разумовский умер бездетным, имение его было продано графу Сиверсу, а часть досталась Дарагану, простому казаку, „пожалованному“ Елизаветой в дворянство только за то, что он был мужем сестры Разумовского.

Озеро Бабинское с деревнями Бабино, Савикино, Матия и Корветино попало в руки известной придворной фамилии Нарышкиных. Район Васарки получил граф Воронцов, брат любовницы Петра III.

В это же время появился здесь и знаменитый духовник Елизаветы протоиерей Федор Дубянский. Этот хитрый поп великолепно умел пользоваться слабостями ветряной Елизаветы: после отпущения грехов, в которых каялась ему последняя, он получал какой нибудь подарок. За царствование Елизаветы он ухитрился получить около миллиона рублей деньгами и несколько тысяч крестьян. В нашем уезде он получил: Кикерицы, Керстово, часть Килли, Тютицы, Лебковицы и Федоровское (деревня эта названа так в честь Дубянского), в общем более 1000 чел. крепостных. В Керстове он построил мызу и церковь. Между прочим поп, поставленный им в эту церковь, держал тайно на Копорской дороге около ручья кабак. Место это до последнего времени так и называлось: „Попов кабак“. Сыновья Дубянского—Михаил и Захар—возведены Елизаветой в дворянство и, будучи гвардейскими офицерами, принимали участие в дворцовом перевороте в пользу Екатерины II. Правнучка Дубянского вышла замуж за Зиновьева и Керстовская вотчина, после этого перешла к фамилии Зиновьевых.

Ястребино, Именицы, Недоблицы получила Чоглокова, придворная дача Елизаветы, та самая, которая, в виду неспособности Петра III иметь детей, устроила связь Екатерины с Салтыковым и таким образом наградила Россию Павлом I.

Часть Врудской и Редкинской волости „пожалована“ была, вместе с районом Гатчины, Григорию Орлову, известному екатерининскому фавориту.

Значительная часть Горкской вол. была отдана Павлом I гатчинскому придворному садовнику Адаму фон-Роткирху. В это время старинное селение Пятница находилось по ту сторону Падожницы и в нем было 5 дворов.

Затем во время основания в Кингисеппе мануфактур, по эту сторону Падожницы образовалось селение из выходцев из России. Оно было названо Новой Пятницей. С отдачей земли Роткирху жителями этого селения позволено было переселиться в Кингисепп. Они и выселились на берег Луги, образовав теперешнюю Зарецкую часть города. Старая Пятница при Роткирхе была уничтожена и образовано село Новая Пятница. Между селом и церковью Роткирх выстроил теперешнюю мызу.

А в царствование Александра и Николая I сюда сыпались Дибичи, Адлерберги, Нессельроде и т. д. Уезд наполнился крупной и мелкой придворной знатью и чиновничеством. Вся эта клика набирала отсюда дворню, устраивала здесь мызы— „приюты сладких отдохновений“, изнуряла население на барщинных и на крепостных заводах, и к середине эпохи Николая I создала здесь типичный угол крепостнической России.

У. Крепостное хозяйство в 1840 г. г.

Размеры крепостничества в нашем уезде надо прежде всего показать на цифрах.

По официальной статистике в 1838 г. в Ямбургском уезде (без Ложголовской и Осьминской вол.) всего было 46695 чел. крестьян обоего пола. Из них: немецких колонистов в трех колониях—Порховской, Луцкой и Франкфуртской (колонисты эти в числе 62 семей переселились сюда из Пфальца при Екатерине II)—345 чел., казенных крестьян—1919 чел., удельных—2695, остальные 41664 чел. были крестьяне владельческие.

Иначе говоря, 90% крестьян в уезде принадлежало помещикам. Цыфра эта перецеголяла даже времена Ивана III, который всетаки имел основание держать здесь служилых людей для военной обороны.

По губернаторским отчетам 1840 г., помещиков в уезде было 76 человек, а мыз, т. е. помещичьих резиденций, зарегистрировано 62. Последняя цифра показательна: очевидно каждый владелец старался обзавестись здесь мызой. Даже крупные в общерусском масштабе магнаты, если они имели здесь сравнительно небольшие вотчины, всетаки отстраивали мызу— „приют отдохновений“. Например, графы Завадовские владели всего 272 человек: в Великине, Понделево, Муккове и Хаболово. И в Великине была отстроена мыза с прудами, с мраморными статуями, с каменными оранжереями, теплицами и интимными уголками. Развалины этой оранжереи сохранились и по настоящее время.

Деревней Перелесьем (быв. Ратчинской волости) владел некий поручик Нетцер. Крестьян у него было 196 человек, но за то дворня состояла из 29 человек. Ясно что это была за мыза.

В с. Котлах до сих пор стоит в имении каменный дом, отстроенный помещиками Альбрехтами. Помещики эти существовали в Котлах в 1770 г. и исчезли оттуда лет 30 назад (имение их было продано промышленникам Сапожниковым). Дом представляет из себя каменную монументальную громаду с высокой вышкой, с которой далеко видать окрестности. С одной стороны красуется герб Альбрехтов, с другой на фронте год постройки дома—дворца: 1836. Всякий, кто побывает внутри этой громады, невольно почувствует с каким размахом устраивалась эта дворянская служилая фамилия (Альбрехты были военные). Внизу в полуподвале помещались кухни, квартиры дворовых. Наверху в низких широких комнатах жили горничные, сенные девушки и пр. В бельэтаже размещались хозяева: тут были залы, гостиные, столовые, будуары, спальни. Дом обнесен оградой с двумя воротами для въезда и выезда. У въездных ворот и до сих пор стоит домик, в котором дено и ночью сидел привратник. В крепостную эпоху это был настоящий „приют сладких отдохновений“ для владельцев.

О первой функции мыз, как „приютов отдохновенных“, говорит и общая цифра дворни в мызах. По всему уезду она равнялась 1396 человек, что от числа владельческих крестьян составляет 30%. Число это в пояснениях не нуждается: забрать 30% населения для 76 семей нужны воистину гиперболические условия, которые и создавались близостью столицы.

Если присмотреться ближе к составу 76 помещиков, получаются интересные данные. Около 50% крестьян принадлежало 10 владельцам и их же обслуживали 62% всей дворни. Владельцы эти следующие:

1) Графы Шуваловы (владели почти всей Ополицкой волостью)	4255 чел.
2) Братья Альбрехты (мызы Котлы и Утешенье)	2093 „
3) Братья Сахаровы (вся Редкинская волость)	3916 „
4) Граф Нессельроде (почти вся Наровская волость)	2090 „
5) Барон Притвиц (Летошницы, Ухора, Ляты и север Котельской волости)	1819 „
6) Веймарны (в Ястребинской, Ратчинской Горкской и Молоковской волости)	1673 „
7) Блок, тайный советник (в Котельской и Ястребинской вол.)	1767 „
8) Граф Сиверс (Войносола, Пиллово, Рудила)	1342 „
9) Дубянский (в Керстове и др.)	1312 „
10) Барон Фридрихс (Озертицы, Ксрчаны, Фалилеево и др.)	1399 „

ВСЕГО 21664 „

Дворни у этих владельцев было: у Сахаровых в Редкинской мызе—152 чел., у Веймарнов в Горке, Молосковицах, Яблонницах и Сяглицах—117 чел., у Блока в Зимитицах, Хревицах и Ивановском—71 чел., у Альбрехтов в Котлах и Утешении—79 чел., у Дубянского в Керстове—36 чел., у Сиверсов в Георгиевском—39 чел. и т. д. В общем на 10 семей 905 чел. Но здесь отмечена только та дворня, которая жила в мызах постоянно. А так как все эти помещики жили в Питере (они ведь все были особами высокого ранга), то у них и там была дворня, набранная из тех же вотчин. К сожалению, учесть количество этой дворни мы не можем.

Таков верхний слой помещиков. В нижнем же кого только мы не находим, кого сюда не выбросили питерские канцелярии! Коллежский советник Миллер в Урмизне (владел 51 чел.), цензор Крузе в Березняках (104 чел.), чиновник 8-го класса Римкевич в Курголове и Тисколове (163 чел.), коллежский советник Уррениус в Поспеловой Горке (58 чел.), Спб. почт-директор в Хотыницах, надворный советник Подосенев в Залесье (53 чел.) и даже „почетный гражданин“ Дурышкин в Косколове (103 чел.). Но последний несомненно владел крестьянами „на праве фабрикантском“, так как податное сословие не имело право покупать крепостных.

Чиновничья карьера — тонкое дело (проворуешься—отвечай имуществом; взятку наберешь, купишь поместье, разговор пойдет), поэтому ловкие питерские дельцы переписывали имение на жен—на предмет сохранности. И мы видим в нашем уезде около десятка таких, видимо, „жениных“ имений: жена надворного советника Штроубе в Порхове (69 чел.), чиновница 5-го класса Кривцова в Химасове и Горке (116 чел.), „супруга чиновника 4-го класса Миллашевича“ в Копанице, Мал. Райкове (184 чел.) и т. д.

И, наконец, были просто гоголевские Коробочки, вроде: „помещица Бреженева“ в Загорицах, „майорша Шульман“ в Овинцеве, „полковница Шудепникова“ в Ославье.

Организация крепостного хозяйства носила на себе также отпечаток близости Питера. В поместьях существовал 3-дневный барщинный труд, а

часть крестьян жила на оброке. Так как Питер мог дать хорошие заработки и крестьяне могли помещику выработать большие оброки, последние сажали их на оброк. В имении, напр., графа Сиверса около трети крестьян, по опекунской описи 1828 г., жили на оброке. „Промышленность их,—сказано в описи,—в виду близости городов Ораниенбаума и СПб., в извозах“... Но большинство, конечно, занималось земледелием и на барщине обрабатывало помещичьи поля.

Земледелие здесь занимает очень короткое время в году и перед помещиками стояла задача:—куда в мертвый для сельского хозяйства сезон деть крепостную рабочую силу и как выгодно сбывать наши грубые северные хлеба? Надо признать, что они вышли из этого затруднения. Еще Петр I разрешил дворянам Ингерманландской губ. заниматься винокурением. Они последовали „завету преобразователя“ и винокурение поставили в уезде довольно широко. В 1840 г.г. винокуренные заводы были: 1) у барона Штакельберга в мызе Ново-Ивановской около Нарвы, 2) у графа Нессельроде в м. Итово, 3) у графа Сиверса в м. Георгиевской, 4) у полковника Альбрехта в м. Котлы, 5) у Сахаровых в м. Редкино, 6) у полковника Гербея в м. Коложицах, 7) у Блока в м. Ивановской, 8) у генерала-адъютанта бар. Делинстаузена в м. Соловьева Горка.

Вина на всех этих заводах выкуривалось 57 тысяч ведер пенного и полугарного, на сумму до 155 тыс. руб. (по данным 1838 г.). Мастеров вольнонаемных было всего 8 чел., а рабочими были крепостные крестьяне. По цифрам выгонки вина мы видим, что титулованные винокуры вопрос с утилизацией продуктов барщинного земледелия разрешили полностью. Даже больше. Ямбургский статистик 40-х г.г. Делягарди говорит, что хлеб из уезда не вывозится совсем, а „иногда винокурные заводы даже прикупают таковой из мест сторонних“.

Кроме винокурения значительный размах приобрела и выделка бутылок (одно с другим связано). В уезде было 3 бутылочных заводов: Косколовский, Пудковский в имении барона Корфа и Кракольский. На этих заводах было 42 вольнонаемных мастера из иностранцев, а рабочие были крепостные. Выделялось на них: бутылок, полбутылок, четвертушек, штофов и осьмушек полтора миллиона штук на 150 тыс. рублей. Сверх того выделялись по заказам бутылки от 1/2 ведра до 2 ведер.

Из других видов крепостной промышленности следует отметить:

1) Стекланный завод в имении генерала Рихтера (дер. Александровка и Ивановка), выдывавший бемского стекла на 50 тыс. рублей,

2) Кожевенный завод полковника Энгеля в деревне Роголово, выделявший кож на 6000 рублей,

3) Шерстопрядильная фабрика в мызе Ветки у помещицы Геллер, выработывала ежегодно до 900 штук шерстяных одеял на 6000 руб.

Кроме того были лесопильные заводы в Ивановском и во Франкфуртской колонии.

Но так как вся эта промышленность не могла занять всех крепостных в зимний сезон, в уезде еще довольно широко поставлено было дело с заготовкой и вывозом дров в Питер. Туда доставлялось из уезда ежегодно до 10.000 кубов на сумму до 60 тыс. руб.

Если сложить всю эту крепостную промышленную продукцию, получится кругленькая сумма в полмиллиона рублей. Издержки производства у помещиков были ничтожны, не более 20% стоимости продукта. Следовательно, около 400 тыс. рублей, получали несколько десятков помещиков с нашего уезда, не считая других доходов и личных услуг дворовых.

А что взамен этого производства, взамен вывоза шло в уезде? Статистик Деягарди дает такую сводку в 1838 году: бутылочный бой на заводы на 15 тыс. рублей, товаров через ябургских купцов на 82 тыс. руб. в том числе колониальных товаров и вин иностранных на 50 тыс. рублей т. е. для тех же помещиков. Остальное на 32 тыс.— соль, пшеничная мука, небольшое количество лошадей с конских ярмарок в Питере и некоторые материалы для заводов. Вот она крепостная Россия в миниатюре: из уезда вывозилось на 500 тыс., ввозилось полезного не более, чем на 30 тыс. руб. Остальное проматывалось, проживалось дворянами.

Владельческий крестьянин жил даже здесь, под столицей, хозяйством натуральным и почти ничего не покупал. Это видно и из того, что в уезде в 1838 году было всего 4 торговли: в Ястребине, Яблонницах, Ильешах и Вруде. Единственно, что крестьянину предоставлено было покупать—это водка: Кабаков в уезде было 26 и разбросаны они были по всем углам довольно равномерно. Только в одной вотчине Шуваловых они были насажены вдоль большой дороги через чур густо: в Тикописи, Ополе, Гурлеве и Кутах.

Школ для крестьян вовсе не существовало. Учились грамоте немногие у отставных солдат, у дьячков и т. д. Обучение носило случайный характер. Например, в Ополе существовала в 1850 г. г. школа, которую держал дьячек Краснопеков. За ученика он брал по 60 коп. в месяц, а за полную выучку—7 руб. 15 коп. с ученика. Главным образом к нему отдавали своих детей государственные крестьяне. Район Ильеш был населен государственными крестьянами и в Ильешах был „приказ казенных крестьян“. Только к концу крепостной эпохи среди казенных крестьян (государственных и удельных) решили открывать „волостные школы“, чтоб готовить писарей. Но дело это двигалось черепашим шагом, так что в 40-х г. г. по всей Ленинградской губ. было всего 20 школ, да из них часть числилась только на бумаге. Бюджет каждой школы определен был казною такой, что он сам говорит за себя: жалование старшему учителю 85 руб. в год, младшему 75 р., на учебные пособия 27 руб. 50 коп. в год, (а тогда книги и бумага стоили дороже, чем теперь). Деньги эти должны были собираться с самих казенных крестьян по податной раскладке. Они, конечно, собирались, но текли в карманы чиновников. Открытые же школы, по описанию 1860 г. г., представляли из себя грязные избы, в которых сидели невежественные учителя набранные из всякого сброда... О постановке образования в нашем уезде достаточно говорит тот факт, что уже в 1870 г. г. Ябургское земство первую ассигновку на народное образование сделало в 275 руб. в год.

Сколько было грамотных среди крестьян любопытный материал дают „книги о брачующихся“ за крепостные годы, сохранившиеся во многих церквях. Например, в Котельской церкви эти книги хранятся с 1730 г. и в них до 1800 г. г. свидетельских подписей при браке совсем нет. Ставится только отметка рукой дьячка с именами свидетелей. С 1800 г. г. подписи появляются, но они на протяжении целых годов пишутся каким-нибудь одним свидетелем: дворовым человеком, бурмистром, барским лакеем и т. д. — Так по свадьбам Котельской вотчины Альбрехтов в течении лет пяти расписывался „Котельской мызы дворовой человек Иван Кузьмин“; после него стал подписываться „крестьянин деревни Большой Конец Осип Алексеев“. По свадьбам вотчины Сиверсов расписывался „служитель графа Сиверса Прокофий Попов“ и т. д.

Но зато в документах об умерших можно очень нередко встретить

бумаги станowych приставов, адресованные попам, с „препровождением мертвого тела крестьянина такого-то, умершего от выпития вина, для предания тела земле“.

О быте владельческих крестьян интересный материал собрал учитель П. С. Семенов, житель дер. Орлов, входившей в вотчину Нессельроде, помещика, отнюдь не жестокого. Вот как происходила работа на винокурном заводе в Итове, по рассказу старика-крестьянина из дер. Орлов.

„В винокурне были огромные баки, в которых варилась брага. Восемь человек, 4 с одной стороны, 4—с другой, мешали все время брагу, чтоб гуща равномерно распределялась по баку. Сторона посильнее перегонит гущу в другую сторону, чтоб легче было мешать, тогда слабая сторона получала по спине удары палки от старосты. Староста был обыкновенно богатый крестьянин, ставленник барина. По этому он не стеснялся лупить за дело и не за дело. Угощение палкой кончалось иногда и переломами ребер, но это никого ни смущало, так как никакого суда над старостой не было. Варка вина иногда кончалась и более серьезными последствиями: вдруг какой небудь не в меру разстаравшийся крестьянин или обезсиленный от работы летел в котел с брагой, куда все время добавлялся горячий киштток. Его приходилось вытаскивать обваренного, иногда без кожи“...

На барщину ходили у Нессельроде 3 дня в неделю и именно в те дни, когда управляющий укажет. К Итовской вотчине принадлежало деревня Липово. Липовские крестьяне за 30 верст приезжали работать в Итово. Приезжали они сразу на неделю, жили в Орлах из своих хорчах, тогда другую неделю были свободны.

Разказал старик как происходили свадьбы крепостных. „Приказали шести ребятам идти в церковь, чтоб повенчаться. Туда же привели шесть девиц. Более шустрые ребята захватили себе лучших, а прозевавшему досталась самая маленькая и некрасивая... Ею с ней и обвенчали. Поп, конечно, делал то, что ему указывала мыза, от которой он находился в полной зависимости.“

Об этой зависимости сохранился интересный документ, разосланный всем попам в уезде в 1845 году за подписью „Ябург дворянского предворителя барона Фридрихса“. В это время некоторые из помещиков собирали на попов и выдавали им так называемый отсыпной хлеб, с условием, чтоб попы брали определенные цены за требы. Но попы отсыпное брали, а таксы за требы не соблюдали. Чтоб регулировать это дело помещики на своем собрании вработали следующее „расписание платы, определенной дворянством Ябургского уезда священно и церковно—служителям за исправление ими разных служб: за крестины 30 копеек, за венчание 1 р. 40 к., за похороны младенцев 15 копеек, за отпевание в церкви взрослых 70 к., за отпевание в церкви с проводом 1 р., за отпевание в церкви с проводом на кладбище, если оно в дальнем расстоянии от церкви 1 р. 40 к., за панихиду 20 к., за литию 3 к., поминовение усопших в родительскую субботу 3 к., молитва сороковая роженице 3 к., за молебен в церкви 3., за молебен с акафистом 30., за молебны на дому в праздники 10 к., за молебны на дому по приглашению 30 к., за молебны с крестным ходом 3 р., за молебны общие на полях 1 р., за молебны при закладке дома или освящении места 30 к. Сверх того, каждый приход вносит в пользу священно и церковнослужителей ежегодно зернового с ревизской души мужеска пола по 1 гарнцу озимого и по 1 гарнцу ярового хлеба, собираемых по распоряжению владельцев“...

Постановление помещиков было равносильно закону и поповский

прейс-курант, конечно, вошел в силу. Помещики не только ведали содержанием попов, но и постройкой церквей. Большинство последних в уезде—Кейкинская, Ястребинская, Редкинская, Коложицкая, Керстовская, Радчинская, Котельская и т. д. выстроены ими.

Если в деревне на все наложил свою печать помещик-тунеядец, то такая же печать лежала в то время и на городе Кингисеппе. Этот единственный в уезде уголок некрепостных людей (мещане и купцы не были крепостными) фактически был захлестнут крепостничеством.

Жителей в нем было в 1840 г.—2376 чел., но из них солдат и офицеров было—1468 чел., местного населения было всего—891 чел., т. е. на 40% меньше, чем при Иване III. Но и из этой последней цифры купцов и мещан было—583 чел., а остальное—отставные солдаты, дворовые люди, гувернеры и пр., т. е. то, что обслуживало помещиков.

Промышленности не было никакой, было только 6 портных. Лавок (преимущественно мелких) в городе было 19, но зато было 3 харчевни, 3 кабака и 3 ренсковых погреба.

Школ было 2: духовное и уездное училище; учащихся в них около 100 чел., в числе их девочек было только 7. Всего же детей в городе у одних чиновников, купцов и мещан было 229 чел.

Но зато в городской тюрьме в 1839 г. сидело 237 арестантов. Водки в город в этом году ввезено было 10.000 ведер, из них выпито 9.000 ведер.

Вот она николаевская крепостная Россия на маленьком уездном экране! Весь ее ужас для народа, всю ее гнусность и, наконец, всю ее экономическую сущность можно так ярко показать, стоит только прикоснуться к местной истории.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. Список поселений, обозначенных в Обр. Книге 1500 г. на территории теперешняго Кингисеппского уезда, с разделением на погосты.

ПО ЯМСКОМУ УЕЗДУ:

1) Ямское Окологородье: Киняша, Кленно, Порхово, Лусское—песто, Падога-Клин, Жапино, Кошкино, Захонье, Орел, Кряково-Клин, сельцо Куровичи,—всего 106 дворов, 154 чел., 100½ обож.

2) Погост Опольский: сельцо Кикерицы, сд. Серговичи, сд. Рагвици, село Кут, сд. Новая Весь, сд. Валья, село Керстово, сд. Литязно, сд. Гурылево, сд. Мали, Горка, село Лялицы, Заполье, Бор, Ямская Весь, село Онстонель, Карпово, Пустомержа, Пустомержа (2-я), сд. Клии, Ветка, сд. Коровье, Воздвиженский Опольский погост (теп. Ополье)—всего 480 двор., 605 чел., 425 обож.

3) Погост Толдожский: Расья, село Валговичи, Лужицы, Лужица, Видикино, Коровье, Матея, Котел, сд. Руд'ела Новая, сд. Руд'ела Старая, село Пумалицы, село Ранола, село Войносола, село Пилола, Каллин Бор—всего 398 двор., 511 чел., 281 обжа.

4) Погост Ратчинский (часть, а другая часть в Копор. у.)—село Ратчино, Лоузно, Фалелеево,—всего 46 двор., 54 чел., 44 обжи.

ПО КОПОРСКОМУ УЕЗДУ:

1) Погост Ратчинский (часть, наход. в Копор. у.): сд. Порошки, сд. Велькота, село Сись, сд. Лепково, Ратчинский погост, село Кайбола, сд. Домашево, село Тютюцы,—всего 188 двор., 250 чел., 205 обож.

2) Погост Григорьев Лъешский: — сд. Чирковичи, сд. Неготицы, сд. Зимичицы, сд. Корчане, Пружицы, Черемковичи, Григорьев-Лъешский погост, село Озертицы, Озертицы, Ушья Весь, село Хотыновичи, сд. Коложицы,—всего 311 двор., 379 чел., 329 обож.

3) Погост Ястребинский: село Шулговичи, сд. Именицы, Смолиговичи, село Смолиговичи, Недобылицы, Креково, Шадыричи, сд. Брыковичи, Курско, Лопец, село Яблоничи, Забелье, Худачево, сд. Сумско, Домачево, Беляш, Мышино, Слипино, Волок-Вольнь, Вязок, Язвища, Пелешь, Гонково, Хотнеж, Поддеье, Усть-Лемовжа, Гостятино, Твердятино, Старица, Вяз,—Ястребинский погост,—489 двор., 681 чел., 396 обож.

4) Погост Врудский: Мураничи, сс. Княжа гора, Горка, сс. Терпиличи, сс. Плешечичи, сс. Коноховичи, село Воиславль, Тресковичи, сс. Проложки, Рогатино, сс. Сеглицы, сс. Овинцево, село Вруда, сс. Смердовичи, сс. Робичицы, сс. Домашковичи, Горци, сс. Летошицы,—всего 335 двор., 437 чел., 387½ обож.

5) Погост Каргальский (центр погоста Копорье): сс. Вонатицы, сс. Вистино, Ручай, сс. Вотской Конец, сс. на Сойкиных горах, Дубовое, Симанова, Жудова, село Стромление, Заозерье сс. Прикупля, Глубокое, сс. Урмизно, сс. Райково, Копаница, Мышьи Горки, Васокара, монастырь Елисеева пустынь, Головкино, Нахкуево, сс. Удосол, Арбала, на Усть-Систи; (вся остальная часть погоста за р. Копоркой и Систой выше Ломохи) сс. Иванково, сс. Подмошье, сс. Климятино, сс. Ломоха, Ломошка, сс. Шейкино, Моклоково, Жирково, Изоринское, Ирогоще, Копорье, село Кербикула, Заозерье, Заболотье, Ширыково, Юрьево, Гостилово, Костивцово, село Горбовское, Петровичи, Луг, Ходобжа, Фроловичи, Глобоничи, сс. Воронкино, сс. Закерновье,—всего 770 двор., 979 чел., 701½ обжа.

ПО ШЕЛОНСКОЙ ПЯТИНЕ.

6) Погост Петровский (по книге Шелонской пятины 1571 г.): Тоболдино, Поддозима, деревня на Кобыльниково ручью, Дуброва, Верхово, Илькино, сельцо на Росоне, деревня на речке Мертвице, дер. на Беле озере, дер. Кут Меньшой конец Бела озера, Выжлятники, дер. на Кургове Горе, деревня на Взвозе, дер. Кайбала, дер. Кекино, Нижняя Калмотка, починок Акуй, починок в пустошке промеж Талого ручья.

II. Деньги и цены 1500 года.

Гривна новгородская = 42 деньгам, гривна московская = 21 деньге. Стоил: коробья ржи (т. е. 8—10 пуд.)—10 денег, баран 4 д., овчина 2 д., 100 яиц 3 д., бочка пива 42 ден. (гривна), хлеб 1 д., белка 2 д., пяток (пястей) льну 5 д., воз сена 1 гривна москов., сыр 1 д., пуд меду 1½ гривны новгородской. Дорогая цена воза сена объясняется трудностью косить сено в старину. Косили тогда косой похожей на серп; работа была трудная.

III. Заводы в Кингиссепском уезде в 1867 г.

		Колич. раб.	Выработка в рублях.
Винокуренный	Сахаровых в м. Редкино . . .	8	2954
"	гр. Адлерберга в м. Вруда . .	5	8905
"	Веймарна в м. Яблонницы . . .	6	?
Лесопильный	Сименса и Гальске в д. Струпове	27	56706
"	Зиновьева и К ^о близь д. Саркуль	39	51880
Винокуренный	Веймарна при м. Александров-		
	ская Горка	5	5400
"	Блок и Веймарн при м. Кайбала	6	8140
Пивоваренный	их-же в Кайбале	4	1200
"	Биппен при м. Коровино	3	1980
"	Бальца при м. Домашево	2	1650
Кирпичный	Байкова в Куземкине	51	10716
	ВСЕГО	156	149431

IV. Население Кингиссепского уезда по всеобщей переписи 1897 г.

Всего в уезде 1897 г. было 81972 чел., 41114 мужчин и 40856 женщ. Из них: дворян 1165 чел., духовных 326, купцов 252, мещан 9956, крестьян 66497, прочих 3776.

Грамотных на все население 49,9%. Плотность населения—23¼ чел. на квад. версту.

Распределение населения по языку: русский—41834, эстонский—17954, финский—11636, ижорский 6407, немецкий—2122, польский—750, еврейский—624, остальные—646.

(В исчисление населения входит г. Кингиссеп и часть Нарвы, входившая в Кингиссепский уезд).

V. Народное образование.

Сельские училища открывались у государственных крестьян. Во всей Ленинградской губ. было в 1844 г. 15 школ с 674 учащимися, в 1853 г. 28 школ с 784 учащимися; из них девочек было только 21.

С открытием земств в 1864 г. число школ стало увеличиваться. В 1873 г. в Кингиссепском уезде была 51 школа; из них воспит. дома—31, частных—2, земских 8 и содержимых крестьянами с участием земства—10.

В 1880 г. школ стало 53, из них: воспит. дома—36, церковно-приходских—2, земских—12, министерских—3.

В 1897 г. школ стало—72 из них: воспит. дома—16, церковно-приходских—25, земских—28, министерских—3.

В 1911 г. в уезде было 108 школ.

Содержание учащихся: в 1873 г. 12 учащихся получали больше 150 р. в год, а 23 человека получали 50 руб. и менее в год (это были школы грамоты), остальные около 150 руб.

Грамотность в 1882 г. из 1000 мужчин грамотных—318 чел., из 1000 женщин—136 чел., из 1000 детей обоего пола, возраста от 8—13 лет школу посещали в 1882 г.—319 чел., в 1895 г.—464 чел.

VI. Медицинское дело.

В крепостную эпоху на весь уезд имелся 1 уездный врач. В Кингиссепе был городской врач и открытая в 1840 г. больница на 10 коек, исключительно для мужчин, с платой за больного по 6 руб. 20 к. в месяц. При больнице был врач и фельдшер. Врачу платилось содержания 257 руб. 4 коп. в год, а фельдшеру 83 руб. 4 коп. Фельдшер в 60-х г. г. был уволен за пьянство и, в виду отсутствия желающих занять его должность, обязанности фельдшера „по необходимости“ исполнял смотритель больницы. На все содержание больницы тратилось 2117 руб. 17 к. в год.

С открытием земства медицинское дело осталось на долго в старом положении.

Только в 1880 г. в уезд было приглашено 3 врача и 9 фельдшеров, из них 1 врач и 5 фельдшеров, были на участках (т. е. работали в волостях). Больница в Ямбурге была в 1871 г. расширена: устроено женское отделение на 10 коек. В 1873 году в Нарве открыт приемный покой на 15 коек. В 1880 г. г. устроена в наемном тесном помещении больница в Валговицах на 8 коек. Амбулаторное и коечное лечение для местных жителей сделано было бесплатным, с посторонних же бралась старая плата по 6 руб. 20 коп. в месяц.

Родовспомогательная помощь начата с 1875 г. приглашением 1 акушерки, которая и существовала в единственном числе в уезде до 1890 г. г. Оспопрививание в уезде до 1890 г. г. находилось в том положении, как было при крепостной эпохе. До земства оспопрививанием занимались „оспенники“ из крестьян, оплачиваемые за счет волостей. Никакого контроля над ними не было, хотя и существовал в уезде особый „оспенный комитет“. В 1890 г. г. оспопрививание взято было в руки земского медицинского персонала.

Санитарных врачей не было вовсе до 1893 г., когда по случаю свирепствовавшей в губернии холеры, были приглашены санитарные врачи по 1 на уезд.

VII. Пути сообщения в уезде.

В старину между Ямом и Копорьем была проложена (вернее прорублена в лесу) единственная дорога в уезде. За неимением дорог войска Петра I, наступившие на Ямбург и Нарву, прорубали дороги и бревнами мостили гати. Так в 15 верстах от Кингисеппа, по старой Кленской дороге, близ речки „Азика“ в лесу еще в 1840 г. г. заметна была просека, проложенная отрядом князя Трубецкого.

При Петре I, как известно, впервые введена была в России почта (т. е. частные лица через государственных гонцов получили право посылать письма). А раньше гонцы развозили только правительственные указы и были еще почтовые связи между купцами.

Первая наиболее устроенная почта была введена Петром между Нарвой и Питером. Перевозилась она по старой Копорской дороге. Годы постройки Нарвского шоссе мне не удалось отыскать, но надо полагать что в устроенный вид оно приведено при Александре I, когда после войны с Наполеоном в 1817 г. взялись за устройство в России шоссейных дорог. Переправа через Лугу в Кингисеппе происходила весной и осенью в большую воду паромами, а летом наводился плавучий мост на 15 плашкоутах.

На содержание государственного шоссе делались ассигновки из казны. Чтоб достать деньги на постройку дорог Николай I ввел сбор с ревизских душ. В других губерниях приходилось всего дорожных сборов $12\frac{1}{2}$ коп. с ревизской души, а у нас $26\frac{3}{4}$ коп. (в Ленинградской губ. больше дорог). Чиновники денег на государственные шоссе отпускали мало, отпущенное зачастую разворовывалось и на починку государственной дороги полиция сгоняла крепостных. По уезду же прокладывались грунтовые дороги, которых к концу крепостной эпохи было 523 версты. Дороги эти чинились помещиками тех земель, через которые дорога проходила. Помещик должен был отпускать строительные материалы, а крепостные производили починку. Надзор за исправлением дорог лежал на полиции: исправнике и становых приставах. Дело велось безобразно, что засвидетельствовано даже самими чиновниками. „Дорожная повинность“, — говорится, напр., в одном казенном докладе, — „отчасти существовала на деле, отчасти нет. Там, где она существовала на деле, исполнение и размер ее зависели от усмотрения станового пристава и старшины. Где пристав приказывал исправить дорогу, там старшину выгонялись местные крестьяне, которые под наблюдением сельского старосты, закопав рытвины и колеи грязью или дерном, взятым из канав, отправлялись домой, считая дорогу исправленной. Там, где становой не обращал внимания на дороги, они не исправлялись. О развитии дорог на участки и о приписке к этим участкам селений никто не имел понятия“.

Фактически становые обращали внимание на дороги постолько, поскольку можно было сорвать с крестьян откупное за неисправление дорог. Крестьяне зачастую взятками откупались от тяжелой дорожной повинности и придирчивости станового.

Дорожное дело при земстве долгое время находилось в дореформенном беспорядке. Натуральная дорожная повинность в Кингисеппском уезде по содержанию земских трактов существовала до 1903 г. Уездных дорог с каменной одеждой до этого было самое ничтожное количество. Только с 1903 г., когда в уезде начал взиматься с населения денежный дорожный сбор, началась постройка так называемых земских шоссе.

Балтийская железная дорога, проходящая по нашему уезду, закончена постройкой в 1870 г.

VIII. Страховка от огня.

Никакой казенной заботы о крестьянах, пострадавших от огня до XIX в. у нас не было, хотя Россия и пылала ежегодно тысячами пожаров. Начало страховке положено было удельным и казенным ведомствами, которым приходилось оказывать своим крестьянам ссуды после пожара. Ссуда выдавалась безпроцентная на 12 лет в размере 150 руб. ассигнациями на двор. Но чиновникам невыгодно было давать на такой срок деньги без $\frac{1}{100}$ и они с 1838 г. начали выдавать погоревшим казенным крестьянам по 30—40 руб. серебром на двор, а выданную сумму ежегодно взыскивать со всех крестьян в виде добавочного налога. Конечно, сразу же получилась путаница в расчетах, так как в один год горело больше дворов, в другой меньше. Тогда в 1844 г. решено было ввести однообразный налог в 4 коп. с души и из него платить погорельцам. Это и было началом страховки от огня в деревнях.

С открытием земств в нашем уезде началось земское страхование с 1868 года.

IX. Сравнение помещичьего и крестьянского землевладения в 1905 году.

ВОЛОСТИ.	Земля в ней в десятинах.	Надельной.	Помещичья.	Пахоты у крестьян.	Пахоты у помещиков.
Врудская	24062	5642	18322	2251	1098
Горкская	34348	7291	27017	1056	1378
Княжевская	23181	7874	14935	5168	1208
Котельская	34563	8338	26162	3704	753
Лужицкая	28019	8548	10255	2063	463
Наровская	34257	7930	26193	2890	243

Всего земли в уезде было 367865 десятин. Из них: крестьянской надельной—97378 десятин, частных собственников—220340 десятин, казенной и удельной—45570 десятин, остальных учреждений—4577 дес.

Земли по угодиям было: пахотной—53793 десятин, сенокосной и пастбищной—78148 десятин, лесной—130467 десятин, остальной удобной—42862 десятин и неудобной—62595 десятин.

Х. Заводы и фабрики Кингисеппского уезда в 1905 г.

	Рабочих.
Известковый зав. Фомы Алексеева в Голятицах	15
Кирпичный „ Фил. Пантелеева в Наровской вол.	40
Лесопильный „ Голубева, ст. Вруда	14
„ „ Ф. Алексеева в Голятицах	30
„ „ Гирс в Ивановском	15
„ „ Ланко под Ямбургом	58
„ „ Голубева в Сяглицах	14
Стекланный „ Ланко под Ямбургом	138
Бумажная фабр. Таптыкова и Блока в Ивановском	220
„ „ Блока в Непове	79

XI. Список кабаков в Кингисеппском уезде в 1838 г.

Кабаки были в следующих селениях: Тикопись, Ополье, Чирковицы, Ястребино, Шуговицы, Выползово, Молосковичи, Коложицы, Коноховичи, Гурлево, Куты, Пружицы, Пятницкое, Дубровка, Куземкино, Крупино, Краколье, Сойкино, Березняки, Монастырьки, Урмизно, Переселье. Корчмы были: Тикопись, Чирковицы, Гурлево, Куты.

XII. Список мыз с показанием владельцев в 1838 г.

В скобках указано, что в мызах насодится в настоящее время.

- 1) Мануйлово—шт.-ротмистр Норд (дет. дом).
- 2) Порхово—жена надвор. совет. Штроубе (раб. коммуна).
- 3—6) Мызы Ивановская, (ликвидировано) Зититицы, Хревицы и Велькота—тайн. советн. Блок.
- 7) Ястребино—Олимпиада Чоглокова (раб. коммуна).
- 8) Шуговицы—майорша Дерфельден (ликвид.).
- 9—10) Яблонцы (ликвид.), Беседа, (сельско-хоз. школа)—действ. статск. советник Веймарн.
- 11) Смердовицы—ген.-майорша Тизенгаузен (ликвид.).
- 12) Соловьева Горка—ген.-ад. барон Делинстаузен. (с.-хоз. школа).
- 13) Ветки—полковница Геллерт.
- 14) Лопец—действ. ст. советн. Голохвастов (школа).
- 15) Николаевская (Сумск) штабс-капитанша Сулякова.
- 16) Редкино—братья Сахаровы (школа и агропункт).
- 17) Сирковицы—дочери дейста. ст. сов. Сахарова.
- 18) Карлова—полковн. бар. Притвиц.

- 19) Робитицы—дочери тайн. сов. Булгакова.
- 20) Ославье—полковница Шулепникова.
- 21) Сяглицы—наследники Веймарна (Губсельтрест).
- 22) Вруда—жена ген.-адыютанта Адлерберга.
- 23) Молосковичи—дочери Веймарна (хозяйство ЛЕПО).
- 24) Овинцево—майорша Шульман (хоз. ЛЕПО).
- 25) Коложицы—полковник Гербель (Губсельтрест).
- 26) Остроговицы—наследники ген.-майора Мезенцева (школа и хозяйство ЛЕПО).
- 27) Смолеговицы—дочь колл. советн. Шлаттера.
- 28) Пустомержа—княгиня Щербатова. (Волисполком и арт. крестьян).
- 29) Хотыницы—СПБ почт. директор. (хоз. ЛЕПО).
- 30) Загорицы—помещица Бреженова. (то же).
- 31) Терпилицы—тайн. сов. Пейкер (Губсельтрест).
- 32) Коноховичи—шт.-капитан Веймарн (артель ГЗУ).
- 33) Рекково—действ. ст. советнице Свирчковой (больница и эстонская коммуна).
- 34) Гакина—чиновн. 5-го класса Кривцовой (распределена населению).
- 35) Великино—граф. Заводовская.
- 36) Пятницкое—Роткирх (школа, Волисполком и агропункт).
- 37) Луцкая—надворн. сов. Бистром (артель).
- 38) Николаевская—шт.-ротм. Траубенберг (передано Волисполкому).
- 39) Сала—капитанше бар. Корф (школа).
- 40) Мариенгоф—ген.-майорша Резвова (перед. Волисполк.).
- 41) Итово—граф Нессельроде (распределено населению).
- 42) Ново-Ивановская—бар. Штакельберг (в Эстонии).
- 43) Ропша—бар. де-Бодэ (ликвидировано).
- 44) Коровино—полковник Ренне (передано Волисполкому).
- 45) Розалино—чиновник 8го класса Римкевич (ликвидировано).
- 46) Краколье—колл. ассессор Митрофанов (распределено населению).
- 47) Сойкино—майорша Ермакова (Волисполком).
- 48) Лужицы—полковник Шрейдер.
- 49) Березняки—надворн. совет. фон Крузе (передано Волисполкому).
- 50) Вольная—жена ген.-лейт. Рихтер.
- 51) Гарколово—полковник бар. Притвиц.
- 52) Луизино—он же (был детский дом теперь за УЗУ).
- 53) Александровская—жена чивн. 4-го класса Милашевича.
- 54) Нежинская—наследники Жуковых (в ведении УЗУ).
- 55) Котлы—полковник Альбрехт (школа и совхоз).
- 56) Утешенье—ген.-майор Альбрехт (больница).
- 57) Перелесье—поручик Нетцер (школа).
- 58) Горка (Ратч.)—ген.-майор Берхман (передано в Волисполком).
- 59) Георгиевская—наследники графа Сиверса (детский дом).
- 60) Керстово—действ. ст. сов. Дубянский (совхоз).
- 61) Ренина (Сойкинск. вол.)—прапорщик Дельфин.
- 62) Валговицы—жена ротмистра фон-дер-Флит (больница).

Список этот, надо полагать, не полон. Он взят из „описан. СПб губ. по уездам и станам“ и представляет чиновничью работу. Например, не показана мыза в вотчине Шуваловых, в вотчине барона Фридрихса, Ямбургского дворянского предводителя и крупного помещика, в вотчине Вахтинных (Раскулицы и др.) и т. д. Но добавлять его на основании догадок и более поздних источников было бы неправильным.